

МЭРН
ЧЕРРИ

СЕРЫЙ ВОЛК

(о маньяке, который не хотел
быть маньяком)

16+

Мэри Черри Серый волк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40516873

SelfPub; 2022

Аннотация

Это история о маньяке, который не хотел быть маньяком. Серийный убийца надеется избавиться от своей мании, но однажды он приходит в себя, стоя над окровавленным телом, и понимает, что его внутреннее "я" взяло над ним верх. Он мог бы оставить все, как есть, и продолжать убивать, если бы не девушка, которую он любит. Ради нее он должен сделать все, чтобы стать нормальным.

Содержание

Глава 1. У каждого свои недостатки	5
Глава 2. Моя попытка номер два	15
Глава 3. Дима	17
Глава 4. А не псих ли вы, дяденька?	34
Глава 5. Психиатр	38
Глава 6. Очищение	43
Глава 7. Зов приключений	46
Глава 8. Следователь	57
Глава 9. Кто эти люди?	62
Глава 10. Не ходи туда, там крокодил	65
Глава 11. Звоночек	72
Глава 12. Мать	81
Глава 13. Только один разочек.	94
Глава 14. Свои – чужие	107
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Мэри Черри Серый волк

Сентябрь горит,

Убийца плачет,

Но он не смог поступить иначе.

(из песни «Сентябрь» группы Stigmata).

Глава 1. У каждого свои недостатки

– Господи! Ну, неужели опять?!

У ног Сергея распласталось тело. Казалось, будто кровью его полили специально, для устрашения. Сергей почувствовал, что в правой руке держит какой-то предмет. Это был хорошо вымазанный в крови нож. Он раздраженно бросил его на землю, рядом с телом. Без энтузиазма посмотрел на труп. Сомневаться в отсутствии признаков жизни не приходилось.

Сергей раздраженно цокнул языком, и, чтобы отвести взгляд, посмотрел вверх. Тут же (как будто готовились), листья стряхнули дождевую каплю точно ему в глаз. Он сделал шаг назад, тыльной стороной руки вытирая веко, и почувствовал, как к нему подбирается веселье. Ну, понятно, повода особого не было. Но веселье от него не зависело, оно накрывало его эйфорией. Как если бы он что-то принял, и, независимо от его желания и обстоятельств, вещество поступило в мозг и теперь усердно заставляло гипоталамус вырабатывать эндорфин и закачивать его в кровь.

Становилось легко и приятно. И весело. Улыбка расплылась до ушей.

Сергей посмотрел на свои руки. На ладонях была кровь. И не сказать, что немного. Попало и на свитер. Провиде-

ние подсунуло ему под ноги лужу. Он аккуратно стянул свитер и вывернул наизнанку. Сел на корточки, ополоснул руки. Холодная вода отлично смывала чуть запекшуюся кровь. На всякий случай ополоснул лицо. Оставшись в футболке и джинсах, он пошел прямо, не особо разбираясь, куда идет. Ему казалось, что он в этом лесу первый раз, и не имел ни малейшего представления, куда надо идти. Но ведь куда-то он придет. Лес шутливо подсунул ему тропинку, приведшую в тупик. Но ему было наплевать. Ему было хорошо и весело. Он мог весь этот лес исходить вдоль и поперек, не устав.

Хотя были сумерки, и явственно чувствовалось, что август собирается одарить природу настоящей октябрьской ночью, а Сергей был в легких летних джинсах и футболке, ему не было страшно, тоскливо или не по себе. Веселье дошло до той точки, когда он засмеялся в голос. Хихикая, вышел на дорогу. Вдалеке ехал велосипедист, который, видимо, не одобряв беспричинного смеха, развернулся и укатил в другую сторону.

Скоро Сергей вышел к железной дороге. Справа виднелась станция. Зажглись два фонаря. Он бодро направился в сторону платформы, по дороге выбросив окровавленный комок свитера в мусорный контейнер.

На платформе в сторону Москвы было несколько человек. Он подошел к пожилой женщине и вежливо спросил:

- Не скажете, когда ближайшая на Москву?
- Через семь минут, – старушка окинула его дружелюб-

ным, но внимательным взглядом. – Промок весь, по грибы ходил, небось?

– Ага.

– И как?

– Ни одного не нашел, – сказал Сергей с удовлетворенным придыханием.

Старушка оглянулась на пару мужичков с полными корзинами белых и быстро отошла, поняв, что собеседник пьяный.

Сергей стоял, засунув руки в карманы, покачиваясь с пятки на носок, глубоко вдыхая свежий подмосковный воздух и жмуря глаза.

На платформу поднялись парень с девушкой, осторожно прижимаясь друг к другу. Один наушник был вставлен в левое ухо девушки, другой – в правое ухо парня. Шнур тянулся к телефону в руках парня. Оба курили.

Сергей подошел к паре, постучав двумя пальцами по губам. Парень осторожно достал из кармана «Кент», протянул открытую пачку. Внутри к сигаретам льнул черный «Крикет». Сергей достал сигарету, вопросительно ткнул пальцем в зажигалку, получив кивок, достал зажигалку, прикурил, приложил руку к груди и чуть поклонился, благодарственно.

Слегка шальная походка Сергея окончательно убедила старушку, внимательно за ним наблюдавшую, что он нетрезв.

Он докурил до фильтра и выбросил окурочек в мусорку. По-

дошла электричка.

Сергей проснулся за две минуты до будильника. Голова гудела, как после попойки.

– Я же вчера курил! – выдохнул он, натягивая одеяло до подбородка.

Ему стало ужасно стыдно. Что скажет мама, если узнает? Если бы она узнала, что Сережа курит, даже не знаю, что бы произошло. Ремень? В угол? Без ужина? Все перечисленное являло собой обязательную почти ежедневную программу в детстве и безо всяких поводов. А за сигарету можно было и башкой об печку получить.

Сергей съежился от одной мысли о том, что мать каким-то магическим образом узнает, что он вчера выкурил сигарету.

Он потер лицо и приказал себе собираться на работу. Делать обычные бытовые процедуры совершенно не хотелось. Он с трудом вытащил себя из кровати. Умывшись, еще минут пятнадцать сидел на бортике ванны, ни о чем не думая. Хотелось позвонить Самуилу Аркадьевичу и сказать, что заболел. Но так делать было некрасиво.

Наконец, он натянул бежевую куртку, мало подходившую к джинсам, и вышел. Переходя Тверскую через подземный переход, он вдруг вспомнил, что вчера опять кого-то убил. Сергей даже не знал кого. Омерзение и отвращение нахлы-

нули, как потоки ливня.

Работа не шла. Сергей сидел в кабинете перед чашкой кофе, который приготовила Юлия Яковлевна – его секретарь. Он потер пальцем лоб и посмотрел в окно. В августовском мареве вырисовывались четыре башенки протестантской церкви.

Последний раз Сергей убил три года назад. Даже чуть больше. Какого-то районного алкоголика. Он отлично помнил тот приступ, то состояние души (если она есть). На улице был конец марта. Весна не желала начинаться ни при каких обстоятельствах. На тот момент он уже год жил на Тверской без особенных колебаний настроения. Самуил Аркадьевич намекал, что если Сергей поднажмет, он повысит его и даст отдельный кабинет. Отдельный кабинет! Ради уединения можно было постараться. Он точно помнил, как через полгода после того убийства его опять накрыло. Ему было тяжело, одиноко, болела голова – короче, все признаки приближающегося припадка. И тогда он потратил весь свой запал на работу. Сублимировал, как это называли в журнале по психологии, который он почитывал. Директор был в восторге. Подарил ему кожаный портфель и назначил специалистом по финансовым вопросам. Теперь клиенты, желавшие увильнуть от налогов или похитрее расписать финансовую схему бизнеса, отправлялись непосредственно к Сергею. Клиенты были интересные, их было немного, но суммы, которые он получал, легко давали возможность купить (не в

ипотеку) хорошенькую двушку в центре Москвы, а в придачу к ней какого-нибудь быстроходного немца. Можно было съездить на Мальдивы или в Исландию, или и туда, и туда.

Но Сергей не знал, что так можно, и просто нес деньги в банк, даже не заботясь о страховании вклада. Съёмную квартиру на Тверской оплачивал офис. Прав у него не было. Дима, его институтский друг, однажды предложил вместе сгонять в Турцию: «Горящий тур, Серег, погнали – оторвемся», пришел в ужас, узнав, что у Сергея нет загранпаспорта.

Единственное, что он хотел от жизни – перестать убивать. Он прекрасно понимал, кто он. И от слова «мания» у него начинал чесаться нос. У Сергея была картотека всех известных маньяков, он изучил их детство, до неприличия похожее на его собственное. Он знал, что его смешанный с преклонением страх перед матерью – абсолютно естественное поведение для такого человека (человека?), как он. И он старался делать всё, чтобы не быть таким, как они. Отшатывался от рубашек в клетку, не подходил к шахматам и до дрожи боялся хозяйственных магазинов со всеми этими веревками, лопатами и прочими мешками.

Но, несмотря на все старания, он ничего не мог с собой поделать. Примерно раз в полгода – ранней весной и поздней осенью (какая пошлость) на него «накатывало». Он посылал сам себя к чертовой бабушке, а потом очухивался в каком-нибудь лесу над трупом. Он их не закапывал, не расчленял, не стирал свои отпечатки с ножа, если таковой имел-

ся. Просто уходил. И никто никогда его не искал.

И вот теперь, когда он получил отдельный кабинет, а вместе с ним обязанности, требующие серьезной мыслительной активности, после того, как он влился в коллектив, а Самуил Аркадьевич, кое-что узнав о его детстве, взял над ним шефство, как над родным сыном, всё прекратилось. Даже голова перестала болеть. Весной и осенью Сергей пил витамины, смотрел комедии, бегал по утрам на Патриарших прудах. Он стал нормальным. Больше не появлялся этот мистер Хайд, выключающий его сознание. Его удалось выдавить.

Первый год он ждал свои «сезоны» со страхом. На второй недоверчиво заглядывал внутрь себя – там резвились котята. Прошел третий год. Все благополучно. И он обрадовался. Наконец-то!

И тут на тебе.

Сергей мрачно смотрел на оконные жалюзи.

Нет, я не человек. Я урод.

Он вышел в холл, собираясь идти домой. В холле администратор Алина снимала пустую бутылку с кулера. Сергей подошел, взял полную бутылку и установил на аппарате.

– Спасибо, Сергей Сергеич!

– А где Юлия Яковлевна?

– Она с земельниками. Проверяет документы.

– Передайте ей, что я ушёл.

– Хорошо.

Через пятнадцать минут он уже поднимался к себе на тре-

тий этаж. Пока возился с ключами, из квартиры напротив вышла соседка.

– Ой, Сереж, здравствуй! – как бы обрадовавшись неожиданной встрече поприветствовала она.

– Здравствуйте, Нина Ивановна, – он улыбнулся.

– Сереж ты мне не поможешь? Ящик заклинило.

Сергей с готовностью прошел к ней в квартиру, на кухню.

Возле раковины из кухонной тумбы торчал ящик. Одной стороной он уже вырвался на свет божий, вторая половина наглухо застряла в нутре тумбы.

Сергей поставил портфель на пол, достал телефон и включил на нем фонарик. Посветил в ящик.

Нина Ивановна заглядывала ему через плечо.

– Мне кажется, застряло что-то в полозьях.

– Сейчас выясним, – игриво сказал Сергей и открыл тумбочку, чтобы посмотреть на ящик снизу. Из тумбы гулко вывалился пакет с мукой, покрыв синие джинсы и черные ботинки Сергея нежной пуховой белизной.

Сергей отступил. Тумба не собиралась отдавать ящик без борьбы. И готова была применять самые безнравственные методы.

Нина Ивановна запричитала и побежала за совком.

Минут через пятнадцать Сергею, при помощи кухонного ножа, наконец, удалось высвободить ящик. Оказалось, что там действительно застряла маленькая пуговичка. Вызывало серьезное подозрение наличие подобного предмета в ящике

для ножей и вилок возле раковины, и нет-нет, но напрашивалось предположение, что Нина Ивановна сама её туда за-
сунула, чтобы с интересом провести время в обществе молодого соседа.

Но Сергей ни о чем таком даже не собирался думать, гордо вручил пуговичку Нине Ивановне и отправился домой.

Коридор квартиры привычно загудел люминесцентной лампой. Сергей снял ботинки, поставил их в шкаф. Отнес портфель в кабинет.

Оттуда пошел в спальню. Задернул темно-коричневые шторы, и комната погрузилась в полумрак. Включил свет, открыл шкаф и достал из него ремень, повертел в руках, повесил обратно, вытащил из халата пояс. Навернув пояс на руки, попробовал разорвать. Пояс был качественный, и рваться не собирался. Сергей выключил верхний свет и сел в кресло, предварительно переложив с кресла на столик журнал. Журнал был открыт на тесте «Психопат ли вы?» Обведенные ручкой ответы приводили к итогу – «Вы не психопат». Сергей чуть усмехнулся и положил журнал на пол. Затянул эшафотный узел. Аккуратно положил пояс на кресло и ушел на кухню за табуреткой.

Лампа была укутана желтым абажуром, сильно смахивающим на улей. Сергей провозился с ним пару минут, прежде чем понял, как его снять – конструкции никогда не были его сильной стороной. Он выкрутил лампочку из патрона и подергал шнур. Хороший крепкий шнур. Привязал к нему пояс

халата, накинул петлю и, слегка подпрыгнув, смахнул правой ногой табуретку. Раздался треск разрываемой ткани, и Сергей рухнул на пол, ударившись коленом об угол табуретки.

Глава 2. Моя попытка номер два

Сергей приподнялся, зажмурившись от острой боли в колене. Попытался повернуть голову, чтобы посмотреть на потолок, но в шее что-то стрельнуло и помешало воплотить движение.

– Черт, заклинило, – испуганно пробормотал он.

Осторожно потер шею, медленно повернул голову в одну сторону, потом в другую. Всё нормально (идиот).

Он осторожно ослабил узел обрывка пояса и сбросил его на пол.

Шнур немного рубануло из-под штукатурки.

«Красота! Наверное, в этой комнате кто-то когда-то повесился.»

Патрон держал обрывок пояса. Хорошую вещь испортил. Мать бы тебя за такое...

Сергей осторожно поднялся. Колено чуть ныло. Пошел в ванную, чтобы умыться и посмотреть на свою глупую рожу в зеркало.

Рожа была не глупая, а скорее испуганная и грустная. Ну, не получилось. В конце концов, можно попробовать другой способ. Сергей пошел на кухню и поставил греться чайник. За неимением табуретки уселся на подоконник и погрузился в глубокую задумчивость.

Поджечь квартиру. А другие люди? Они в чем виноваты?

Можно, конечно, ещё раз попробовать повеситься на ремне, но теперь эта затея представлялась сомнительной. Вскрыть вены в ванне? Он где-то читал, что так покончил с собой Эпикур. Тот еще весельчак. Можно утопиться в Яузе, а можно прыгнуть с крыши дома. Хотя здесь всего четыре этажа, но это сталинка, и дом довольно высокий.

Его размышления были похожи на мысли поварихи, которая была на диете, и потому не пробовала свои блюда, а лишь кормила других, но теперь она, наконец, скинула возделенные четыре килограмма и могла позволить себе десерт.

Мысли о способе приготовления блюда были грубо прерваны свистком чайника, возвещавшем, что к любому десерту полагается чай.

Сергей поднялся, достал из шкафчика над раковиной одну из двух имевшихся там чашек, налил из маленького чайника заварки и залил чашку кипятком под ободок. Дымок ложился на глянцевую поверхность чая.

Он догадался, что нужно делать.

Глава 3. Дима

– Работай, подлая тварь!

Дима слегка потряс соковыжималку, пощелкал выключателем, отошел на полшага и, уперев руки в бока, задумчиво уставился на строптивый агрегат.

Потом достал поршень из верхней части, сунул палец и слегка подтолкнул морковь вниз. Соковыжималка с готовностью взвизгнула и закрутила морковь в уничтожительном вихре, чуть не прихватив Димин палец.

Дима стал по одной закидывать морковь в плотоядное нутро, придавливая поршнем. Затем достал из холодильника свежую рыбину и, быстро разделав ее на специальной доске рыбным ножом, разложил освобожденные от костей кусочки на бирюзовой тарелочке. Поставил ее на бордовую салфетку, расстеленную на полу.

– Инесса! Мур-мур-мур! – позвал он.

С дивана легко стекла пушистая дымчатая кошка, поигрывая серебром меха. Она неторопливо, сохраняя достоинство, подошла к завтраку и, внимательно все обнюхав, принялась за трапезу. Дима тем временем налил ей воды из фильтра. Удостоверившись, что у кошки все хорошо, он налил себе морковный сок, и, страдальчески посмотрев на него, залпом выпил почти полный стакан. Остатки стряхнул в раковину.

Он прочувствовал, как витаминный заряд проникает внутрь него, обогащая кровь витаминами и минералами. Затем Дима вышел из дома, достал из гаража велосипед и поехал на Тверскую, миновав Садовое.

В подъезде было черте-что. Во-первых, возле проездной арки нетерпеливо помаргивала проблесковыми маячками «скорая». Дверь подъезда подпирал кирпич. Внутри самого подъезда на лестнице стояла бабулька (соседка Серого?).

Поставив правую ногу на верхнюю ступеньку и упершись обеими руками в васильковую юбку, она с мольбой смотрела вверх. Обернувшись к упавшей на нее тени, она с благодарностью устремила к Диме.

– Ой, Дмитрий, слава богу.

– Здравствуйте...

Нина... Нина Ивановна, нет вроде не Ивановна, Алексеевна, наверное.

– ... а что... случилось? – Дима подыскивал нужное слово.

– Сергей, ой, Сергей...

Она замахала руками, чтобы не заплакать. Дима не понимал, что происходит.

– С ним плохо...

Что?

– Ох, как же это. Понимаешь, у меня соль закончилась, я хотела попросить у Сережи. Он ведь всегда такой аккуратный. Соль всегда есть. Не то, что я, растяпа.

Она спустилась на ступеньку ниже, держась за сердце и

тяжко охнув.

– И вот я ему стучу-стучу. Ты же знаешь, звонок-то у него не работает. Стучу. И что-то вот как-то нехорошо мне стало, подумалось такое знаешь... нехорошее что-то. Я подергала дверную ручку. И на ж тебе. Дверь не заперта. А он ведь всегда запирает. И между нами говоря, правильно делает, потому что кругом ворье.

Тут она снова замахала руками, но это не помогло. Слезы потекли, бороздя морщины старческого лица.

– И я захожу, а он лежит там... а кругом эти таблетки. Господи!

Тут сверху стали спускаться санитары, держа носилки, осторожно поглядывая себе под ноги. Позади шла врач.

Дима метнулся наверх, понял, что помешает пройти, вернулся. Соседка отошла в сторону. Когда лицо врача стало достаточно хорошо видно, Дима собрал волю в кулак и спросил:

– Что с ним?

– А вы кто? – холодно посмотрела на него врач.

– Родственник – соврал он.

– Таблеток наглотался. Что ж вы за родственником не смотрите? По-вашему, государство должно следить, что ли?

– Нет ... я не... А он сейчас как?

– Без сознания.

– Выживет? – Дима не верил, что это он говорит такое слово, да еще всерьез.

Мимо в носилках проплыло зеленое с желтым, абсолютно мертвое лицо Сереги.

– Естественно. Куда ж ему деться. Промоем и вернем чистенького. Только вы уж следите, чтоб он опять не попытался.

Врач чуть смягчилась, посмотрев на испуганного Диму. Пропустив носилки, в подъезд вошел милиционер.

– О, Лен, привет!

– Привет, – хмуро отозвалась врач.

– Таблетки?

– Да пенталгин. Думают, он до сих пор с кодеином.

Но она ошиблась. Сергей ничего не думал, он просто хотел избавить мир от такого подонка, как он.

– Надо осматривать?

– Да что там осматривать. Даром что мужику почти тридцать, как подросток, ей-богу. Я тебе так перечислю, что он там сожрал.

Они вместе вышли из подъезда.

Дима стоял в полной растерянности.

Соседка всплеснула руками.

– Господи! Квартира-то нараспашку у него!

И побежала наверх, насколько можно было применить слово «бежать» к человеку, которому перемахнуло за семьдесят, а самым длинным маршрутом являлся поход в поликлинику. И проблема была не в пенсии. Пенсия у коренной жительницы сталинского дома на Тверской была вполне удо-

влетворительная (да простят ей это подмосковные пенсионеры). Ей просто было скучно на даче, в консерватории или Европе.

Диму вывела из ступора поспешность старушки. Он даже чуть усмехнулся. Что там брать у Сереги?

Но поспешил за ней. Не из боязни, что кто-нибудь в эти две минуты украдет обе пары ботинок из гардероба его друга, а потому, что хотел увидеть, что произошло.

Картина была классическая.

На столе пустые упаковки из-под таблеток, рядом раздавленные пластинки с выгнутыми пластиковыми кармашками. Пенталгин, спазмалгон, суматриптан, цитрамон. Стол сдвинут, из лужицы опрокинутой чашки чая медленно капля за каплей собирается на полу черное озерцо. Видимо, Серега толкнул стол, когда падал.

Но за каким чертом? Зачем ему это понадобилось?

Дима никогда не сталкивался ни с чем подобным. То есть он, конечно, знал, что существуют на свете самоубийцы. И даже как-то раз Ирка (его бывшая) с преувеличенным ужасом и упорно стараясь трагически к этому отнестись, рассказала, что она узнала о своем однокласснике, который бросился под поезд в метро. И действительно сделал это сам, а не случайно попал.

–А ведь я ему списывать давала в третьем классе, – всхлипывала она.

И слова, и слезы были враньем – никогда троечница Ирка

не могла никому ничего давать списывать. Даже в третьем классе.

Но, пожалуй, этим случаи самоубийства, связанные с ним лично хотя бы косвенно, ограничивались.

И тут вдруг Серега? Что это? У него даже депрессии не было. Они еще позавчера вместе смеялись под крафтовое пиво. Ну, то есть Серега не пил. Но это для него нормально, он вообще не любитель бухать.

Нет. Все это было непонятно.

Соседка задумчиво смотрела на пролитый чай. Потом неуверенно как-то огляделась и обратилась к Диме:

– Не знаю, вытирать ли. Наверное, придет милиция, описывать будут.

– Да не, он вроде сказал, что не пойдет, – сказал Дима, имея в виду милиционера, который сразу просветлел, услышав, что врач сама расскажет, какие были таблетки.

– Ну да... Хотя могли бы и наведаться! Ох, ну и страна у нас! – возмутилась пенсионерка, стоя под четырехметровыми сталинскими потолками.

Потом она двинулась в сторону раковины, видимо, намереваясь взять тряпочку, но Дима вежливо остановил ее.

– Да ну что вы, что вы...

Нина Михайловна? Петровна?

– Спасибо. Вы уже и так сделали сколько. Я сам.

– Да? – с некоторой неуверенностью отозвалась соседка, как будто сомневаясь в способностях Димы вытереть проли-

тый чай. – Ладно, – решила она доверить эту сложную задачу ему. – Пойду. Прилягу. Сердце ведь... Стара я уж для таких вещей. Ты мне скажи, как он, когда позвонят.

– Угу. Конечно!

И как только закрыл за ней дверь, сообразил, что не позвонят. Телефон у Сергея отключен за ненадобностью. Его мобильный не спрашивали. А в какую же больницу его повезли?

Он порылся в интернете с телефона, нашел номер Склифосовского. Собрался звонить, но вспомнил, что есть еще районная, и логичнее начать с нее. Быстро отыскав номер, позвонил – занято. Ближайшие десять минут автопрозвона не изменили результат. Дима бросил это занятие, поняв, что все равно не знает, о чем их там спрашивать.

Велосипед! Твою же мать!

Дима ринулся вниз. Велик валялся у подъезда, там, где Дима его бросил. Н-да!

Он затащил его наверх и втолкнул в коридор Серегиной квартиры.

К своему огромному неудовольствию, Сергей обнаружил в своей квартире Диму. Тот вышел в коридор из кухни как-то боязливо, с трудом натягивая улыбку.

Дима явно не знал, подходящий ли это случай, для того,

чтобы обнять своего друга интроверта, который не любил вообще никакие прикосновения. Он засунул руки в карманы поглубже, чтобы уберечь Серегу от возможного похлопывания по плечу.

– Здорова! Ну, ты как брат? Нормально все?

Во рту у Сергея была горечь, его подташнивало. Он поднял большой палец вверх.

– Фуф, ну и напугал ты меня, честно говоря. А я это ... прикинь... я велик оставил на улице. Минут тридцать там провалялся, наверное. И главное, не стащили. Вот, что значит центр. У нас бы на Волгоградке сразу увели.

Сергей недоуменно посмотрел на велосипед, прислонившийся к стене пустого коридора.

– Да я это, думал заскочить к тебе. Мне Ирка фотку лайкнула, прикинь. Я хотел обсудить лично. Ну, все-таки знаешь, чтоб не сделать какую-нибудь тупость. А тут ... «скорая», все дела. Менты даже! Ужас просто.

Сергей напрягся.

– Приходили из полиции?

– Да ты не волнуйся, – Дима шагнул было вперед, чтобы ободрить приятеля похлопыванием по спине, но вовремя взял себя в руки. – Он даже подниматься не стал. Это обалдеть. А вдруг тебя жена пыталась отравить. Даже не посмотрел!

Сергей успокоился. Он никогда не возмущался бездействием органов правозащиты.

Все также молча он пошел на кухню. Дима, не переставая говорить что-то, проследовал за ним. Сергей поставил чайник, вылил заварку, вымыл руки под кухонным краном и вытер их о похрустывающее голубое вафельное полотенце.

– Тут эта твоя соседка, Нина-как-там-ее, она скорую вызвала. А я ведь даже не знал. Ты же не... Я не понял, что это было, если честно. Серый ты это... У тебя депрессия что ли?

Эти сутки Дима не терял даром. Развалившись на Серегинном диване, он внимательно изучал статьи о суициде, пользуясь Серегиным же ноутбуком, благо, пароля на нем не было (Сергей не держал в сохраненных картинках фотографии окровавленных жертв).

Сергею больше всего хотелось, чтобы Дима ушел или хотя бы замолчал. Но он не знал, как его выгнать. Голова отказывалась работать. Хотелось лечь.

– Слушай, надо ей сказать. Что с тобой все нормально. Старушенция реально переволновалась. Еще окочурится там.

– Какая старушенция?

– Ну, соседка твоя, эта... Блин, я забыл, как ее отчество?

– Ивановна, – сухо подсказал Сергей.

– Ладно, пойду ей скажу.

Дима направился в сторону двери.

– Дим, ты скажи, что я сплю, – попросил Сергей.

Дима успокоил его жестом руки – ну, понятно, братан, о чем речь.

Сергей понял, как ему избавиться от Димы.

– Слушай, Дим. Ты не обидишься? Я просто действительно очень спать хочу...

– Да, конечно, какие проблемы. Иди, спи. Я у тебя в компе пока посижу, – Дима уже взялся за дверную ручку.

– Э-э-э, да нет. Я вообще-то хотел побыть один, – Сергею не нравилась непонятливость приятеля.

Дима замялся. Обитатели фейсбука единогласно не рекомендовали оставлять суицидника в одиночестве.

– Слушай, Серег. Я понимаю, да. Но... Я ж все-таки волнуюсь.

Серег открыто улыбнулся Диме.

– Спасибо, брат.

Даже хлопнул его по плечу.

– Но я действительно хочу побыть один. Я тебе обещаю, голову в духовку совать не буду.

Про духовку Дима и забыл.

Он несколько секунд внимательно смотрел на Серегу. Инесса одна дома уже сутки. А друг выглядит вполне бодро и даже улыбается.

– Ну ок, – пожал он плечами.

Дима взял велосипед, развернул его, выходя, еще раз посмотрел на Серегу.

– Слушай, ты береги себя.

«Ну, до чего дебильная фраза», – заметил он мысленно.

Сергей улыбнулся еще раз.

– Хорошо. Спасибо, Дим.

Дима осторожно вывел велосипед из арки на Тверскую. Вдалеке слева виднелся Исторический музей. Верный друг уже перекинул ногу и собрался выехать на велосипедную дорожку, как некая неведомая сила заставила его повернуть обратно.

Нет. Нельзя его оставлять. Дима ведь даже не понял, что с Сергеем произошло. Инесса простит его. Ну, то есть, наверное, не простит. Наверное, она уже сейчас дерет его с таким трудом выращенный бамбук. Но все-таки.

Кто-то стучал в дверь, как сумасшедший. Наверное, Нина Ивановна. Черт бы их всех побрал. Ну, им-то какое дело, что он тут собрался с собой делать. Прямо они жить без него не смогут.

Колотили все настойчивее.

Брякнул телефон.

От Димы.

«Открой. Забыл у тебя ключи».

Ну, конечно, как же.

Сергей швырнул в сторону раковины нож. Похоже, придется какое-то время повременить, пока они не успокоятся. И заодно придумать нормальный способ. Это ж надо было так напортачить с теми таблетками.

В дверном глазке маячила салатовая футболка Димы.

Сергей приоткрыл дверь, и футболка втиснулась внутрь квартиры.

Сергей смотрел на Диму с улыбкой.

– Где ключи-то забыл?

– Слушай, Серег, извини. Я понимаю, ты спать хочешь и все такое, но я реально не могу тебя оставить. Ну, я знаю, это глупо с моей стороны, но серьезно. Ты ведь мне даже не сказал, чего ты таблеток-то нажрался?

Сергей понял, что ему сейчас должно быть стыдно. Он потупил взор, виновато улыбнулся Диме.

– Да это... ну, глупая ситуация... Старая любовь.

– Да ладно, Серый! Придется тебе рассказать!

Сергей понял, что Дима вознамерился проявить все качества настоящего друга. Тот считал, что они повязаны многим. Все-таки редко кто сохраняет институтскую дружбу дольше трех лет, а они были не разлей вода уже почти десять. И это при том, что Дима даже не закончил университет, а Серега был отличником, настоящим ботаном. Красный диплом и все такое. При этом Серега не был козлом. Он всегда прикрывал Диму на парах, когда тот просыпал будильник. Он всегда мирил его с Иркой, а когда тот ее бросил, поддержал друга всей душой. Он даже соглашался кормить его кошку, когда Дима уезжал. Короче, они были настоящие кореша. И теперь он должен не повести себя как скотина, бросив друга в беде, а выяснить, что это за такая любовь, из-за которой

дружбан решил наглотаться таблеток.

Сергею Дима был глубоко безразличен. Его совершенно не интересовало, что там у него происходит с его Леркой, или как там ее. Ему было до лампочки, на какие шиши он живет, и чем вообще занимается. Но он знал, что у маньяков не бывает близких друзей. А поскольку Сергей шел против «системы», он решил, что ему нужен близкий друг. Дима подходил идеально. Он был совершенно зациклен на себе и никогда не лез в дела Серёги. Сейчас он ему очень мешал, но видимо, так должно было быть. Они прошли в комнату.

Сергей отвел глаза в сторону, как бы не желая рассказывать, что пробудило новую волну любопытства у Димы.

– Так, чел, всё. Ты мне никогда не рассказывал про своих. Давай, колись, что там за несчастная любовь.

– Помнишь Маринку?

– Это толстая такая. Да ладно?! Она? – удивлению Димы не было предела.

Сергею понравилась реакция, и он уже собрался подтвердить, но побоялся, что Дима может с ней связаться в сети.

– Нет, ее подруга...

Дима был чуть разочарован.

– Но той же весовой категории.

Снова восторг Димы.

– Ну, в общем, мы встречались время от времени больше полугода. И нам было так хорошо вместе...

«Сладкий ноябрь», «Кейт и Лео», «Римские каникулы», –

Дима обожал эти фильмы, хотя вслух говорил, что фанатеет от «Бойцовского клуба».

– И я сделал ей предложение. Она сказала, что подумает. А через месяц, как раз несколько дней назад, я узнал, что она выходит замуж.

Восторженное любопытство на лице Димы сменилось обидой. (Перебор).

– Ты сделал ей предложение? То есть замуж позвал?

– Э-э-э, – отступить было некуда. – Ну да. Но я...

– То есть я не то что про твоих девчонок не знал, я бы даже не знал про твою жену. Я так понимаю, ты меня и на свадьбу приглашать не собирался?

– Ой, ну Дим, ну какая свадьба...

– Какая? Ну, я не знаю какая. Какая у всех. ЗАГС, Красная площадь, тамада, торт.

– Дим, ну извини. Естественно, я бы тебя позвал. Я просто не хотел сглазить. Но видишь, все равно, не получилось...

Диме стало стыдно.

– Блин, дружбан, прости. Я это... Не, но ты серьезно из-за этого таблеток нажрался? Из-за девки?

– Слушай, я действительно... Ну, то есть мне казалось, что я действительно ее люблю. Это было глупо. Я знаю. Я, наверное, просто покрасоваться хотел.

– Покрасоваться? – в голосе Димы снова сквозила обида. – Нет, чувак. Ты не хотел покрасоваться. Ты реально хотел это сделать. Даже записку не оставил. Я всю квартиру

обыскал.

Обыскал всю квартиру. Так.

– Ну, хорошо, ладно. Это был импульс. Я очень расстроился и сделал такую дурасть. Но ведь все обошлось.

– Чудом.

– Ну да, чудом, – согласился Сергей. Он бы сейчас согласился на что угодно, лишь бы Дима ушел.

Дима немного помолчал. Они сидели в кабинете. Дима на диване, Серега на офисном стуле у компьютера.

– Я хочу, чтобы ты мне реально поклялся, что такого больше никогда не сделаешь.

– Клянусь.

– Нет, погоди.

Дима поднялся, посмотрел на книжные полки, потом взгляд его упал на завешенную платком икону, висевшую в углу.

– Это икона?

– Ну... да, вроде, – Сергей с опаской посмотрел на приятеля.

Дима встал на подлокотник дивана, собираясь снять тряпицу.

– Стой, ты что делаешь? – вскочил Сергей.

– Хочу снять тряпку, чтобы ты поклялся мне на иконе, – спокойно ответил Дима.

– Что за бред? – холодно поинтересовался Сергей.

– Не бред. Бред – жрать таблетки из-за какой-то дуры, –

справедливо заметил Дима.

– Дим, успокойся. Не буду я больше этого делать. Не трогай икону, я все равно не собираюсь на ней клясться.

– Почему?

– Потому что, если я действительно решу уйти из этого мира, мне будет плевать на обещания, которые я в нем давал. Хоть на иконе, хоть – без, – спокойно ответил Сергей.

Дима спустился с дивана. Не потому, что поверил Сергею. Его просто как-то смутило, что икона занавешена. Он не разбирался в религии. Мало ли, может, это что-то значит. Он вспомнил, как его обругала женщина за то, что он не снял кепку в храме. Он просто стоял в церкви и разглядывал картину на стене, которую как раз реставрировали. А тетка прямо как с цепи сорвалась. Он тогда быстро снял кепку и перекрестился, чтобы не бесить ее.

– Ладно. Короче, я вчера почитал об этом всем. И думаю, что тебе надо сходить к психиатру, – со вздохом сказал Дима.

– Прямо вот сразу к психиатру? Может, все-таки к психологу? – уточнил Сергей.

– Нет. Именно к психиатру. Психолог – это не то. Я сам ходил к психологу одно время. Это скорее такое развлечение. А психиатр – врач, – строго объяснил Дима и добавил, оправдываясь, – не думай, что я тебя психом называю. Поход к психиатру, это не значит, что в психушку тебя положат. Просто опытный человек скажет, что с тобой, совет даст или витамины пропишет. Может, вообще, дело не в этой девке,

а в чем-то другом.

Ой, Дима, ты и не представляешь, насколько ты прав.

– Ну, я не знаю. Как-то бессмысленно это. Из-за одной попытки, – неуверенно заметил Сергей, радуясь, что Дима забыл про икону.

– А нужна вторая? А если удачная получится? – с едкой иронией спросил Дима.

– Ну ладно, хорошо. Я подумаю, – Сергей снова сел на стул.

Дима также уселся на диван.

– Я там на форуме нашел одного психиатра. Вроде нормальный. Народ рекомендует. Я тебе скину на вотсап его контакты, – Дима стал листать экран смартфона.

– Ладно.

Сергей пропустил все это мимо ушей. Сообщение открыл, чтобы Дима видел, что оно прочитано. Какой к чертям психиатр? Доктор, вы знаете, у меня есть маленькая проблема. Я иногда, не очень часто, но бывает, убиваю людей. И как долго это у вас? Лет двенадцать, не больше. А, ну вот вам рецепт. Попробуйте это. И диету надо соблюдать. Исключите из рациона бананы, от них, знаете, все звереют.

Глава 4. А не псих ли вы, дяденька?

– Ты чего это убежал вчера, Сергей?

Самуил Аркадьевич зашел в кабинет, убирая в карман пиджака телефон.

Сергей как раз закончил просмотр документов по одному делу, и теперь задумчиво потирал верхнюю губу, пытаясь понять, каким законом можно прикрыть не самую белоснежную схему одной крупной строительной организации.

Самуил Аркадьевич уселся в клиентское кресло через стол. Сергей в три движения собрал документы и убрал их в папку.

– Да что-то нехорошо себя почувствовал. Подозрительную шаурму съел.

– Ну, вот сколько раз я тебя предупреждал. Ты как помощный кот, – пожурил его директор.

Сергей улыбнулся этому сравнению.

– А я тебя, между прочим, неслучайно ругаю, – складывая руки на животе, заметил Самуил Аркадьевич. – Ты упустил очень интересного клиента. Пришлось Владиду его перепоручить.

– Я уж испугался, что для фирмы его потерял, – улыбнулся Сергей.

– Нет. Для себя. И мне не нравится, что ты упускаешь ценных клиентов. Вообще несколько расслабился. Как попал в

этот кабинет, так и все, – директор внимательно посмотрел в лицо Сергею.

– Зря вы так, Самуил Аркадьевич. Я сейчас пять дел веду. И за прошлый месяц ни одного проигранного.

– Это, конечно, замечательно. Но они к тебе не возвращаются.

– То есть как? Мы же выигрываем. Дело заканчивается, зачем им возвращаться? – удивился Сергей.

– Слушай, Сереж. Вот ты хороший юрист, но паршивый бизнесмен. Все эти люди, так или иначе, нарушают законы. Если бы они платили все налоги, уже давно по миру пошли. Им нужно защищать свои интересы. И нужно им объяснять, что только ты сможешь защитить их достойно.

Сергей был не дурак. И все это он прекрасно понимал. Но его совсем не тянуло возиться с этой ерундой.

– Да, Самуил Аркадьевич. Я постараюсь, – заверил он начальника.

– Вот и молодец. А то портфель отберу.

Оба рассмеялись.

– А ты слышал про ребят из японского посольства?

Так назывались их конкуренты, которые занимали офис в здании напротив японского посольства.

– Нет, а что с ними? – изображая любопытство, спросил Сергей.

– О, да так ты все новости пропустил! Я думал, тебя уже просветили, – Самуил Аркадьевич махнул рукой и повер-

нулся к Сергею боком, конфиденциально наклонив к нему голову.

– Их Витька съехал с катушек, – сказал он тихо.

– Как это? – не понял Сергей.

– А вот так. В прямом смысле. Посреди дня вбежал в кабинет Сансеича и стал ему доказывать, что номер на его машине совпадает с датой какой-то газетной статьи, ну и все в этом духе. Ну, Сансеич, ты знаешь, без церемоний. Выкинул его из кабинета. Так Витька притащил из машины канистру, причем никто не видел, даже на ресепшене. Впрочем, ты знаешь, как у них ресепшн работает.

Они с Сергеем понимающе покивали.

– Уже достал спички, чтобы все поджечь. Слава богу, Иваныч увидел.

– Не сгорели?

– Нет, – с некоторым неудовольствием, но сохраняя выражение облегчения, ответил директор.

– И что с Вить... ктором? – теперь уже с искренним интересом спросил Сергей.

– В Алексеевскую отправили, которая бывшая Кащенко.

– Ого!

– Ну, а ты, что думал.

– Да, невеселая история. И что, его признали невменяемым? – Сергей перекладывал документы с места на место.

– Этого уж я не знаю, какой там диагноз. Но Сансеич не стал возбуждать дело. Понятно, не из сострадания к Вить-

ке, – со знанием дела заметил директор. – Там, если в суд залезть, такое вскроется.

Самуил Аркадьевич искренне верил, что у него в фирме не вскроется. Просто нечему вскрываться. Чисты, как дети. Себе в убыток, можно сказать, работают.

Вечером Сергей написал психиатру, контакты которого дал Дима.

Фейсбук почти мгновенно тренькнул в ответ.

Сеанс был назначен на завтра. И никаких скайпов. Только личное присутствие.

– Да, доктор прямо-таки нарасхват, – с недоброй иронией пробормотал Сергей, отпивая теплое молоко.

Когда он перебрался в Москву, он был уверен, что здесь есть все. Рай в самом полном смысле этого слова. И это почти соответствовало действительности. Кроме молока. Хотя ему и в деревне не слишком часто приходилось его пить, – у матери никогда не было денег. Но все же, это было чаще, чем в Москве. В этом славном бурлящем, шумящем, шипящем городе настоящего молока не было в принципе.

И все же, даже это подобие молока успокаивало. Давало ощущение умиротворения.

Глава 5. Психиатр

Светло-фисташковые стены вызывали желание уйти. И никогда не возвращаться. Хотя казенная краска давала надежду на то, что, возможно, психиатр настоящий, получивший еще советское образование, а не распечатавший себе диплом с помощью фотошопа и арендовавший яркий офис с навесными потолками и кондиционером.

Евгений Валерьевич дописывал какие-то бумаги. На нем был белый, чуть потрепанный халат. Пластиковый стол, море бумаг. Никаких кушеток и гипнотических маятников.

– Добрый день! Присаживайтесь.

Психиатр указал сильно нервничающему Сергею на стул.

Сергею все это не нравилось. Казенщина какая-то. Да он ведь только и умеет, что бумаги заполнять. Ладно, к черту.

Он уселся на стул напротив психиатра, как неоднократно усаживались клиенты напротив него самого.

Психиатр сложил руки на столе и вопросительно поднял брови.

Сергей достал из внутреннего кармана пиджака белый конверт с двумя купюрами и положил на стол.

Евгений Валерьевич к нему даже не притронулся, но взгляд его потеплел.

– На что жалуетесь? – он водрузил на нос крошечные очки и продолжил свою писанину, периодически бросая взгляд

поверх очков в толстую тетрадь.

– Да я, честно говоря, даже не знаю, как объяснить...

Я убиваю людей! Доктор, помогите!

– У меня какие-то перепады настроения бывают весной и осенью... И, ну как бы... Беспричинная агрессия.

Последние два слова Сергей сказал твердо и в упор посмотрел на врача, будто собираясь к нему применить эту самую беспричинную агрессию.

Евгений Валерьевич вскинул на него взгляд поверх очков. Снял их, отложил в сторону вместе с бумагами, и на освободившийся клочок стола положил руки, касаясь пальцами друг друга.

– И в чем это проявляется? – серьезно спросил он.

– Да не в чем таком особенном, – замялся Сергей.

– Вам хочется кого-нибудь ударить? Без причины.

– Да, – твердо сказал Сергей.

– Но пока никого не ударили? – уточнил психиатр.

– Нет, – так же твердо ответил Сергей.

– Так. Понятно.

Евгений Валерьевич взял чистый бланк для рецепта и быстро что-то написал на нем каракулями.

Придавил печатью. Передал заполненный бланк Сергею через стол. Затем откинулся в кресле, снял очки и, зажмурившись, потер переносицу.

– По-одной-таблетке-три-раза-в-день-после-еды. Ну, в Алексеевскую, думаю, смысла особого нет ехать. Посмотрим

на вас так. Пьете эти таблетки, стараетесь не загружать себя. Никаких серьезных книг, артхаусного кино, карьерных гонок. Займитесь спортом. Я бы вам рекомендовал не силовой спорт, а какие-нибудь восточные боевые искусства. Побольше ешьте и пейте воду. Постарайтесь исключить алкоголь. Вы курите?

– Да нет.

– Рекомендую бросить.

Евгений Валерьевич говорил жестко и строго. Ощущение было, что у Сергея опасное заболевание, которое можно успеть вылечить, если принять меры.

– Простите... Я думал, что немотивированная агрессия довольно частое явление, и тут нет ничего серьезного, – осторожно поглаживая рецепт, спросил Сергей.

– А я говорю вам, что у вас что-то серьезное? – психиатр внимательно посмотрел на Сергея.

– Нет, но просто и спорт, и ограничивать стрессы, и курить бросить.

– Совершенно верно, а если врач предлагает подобные меры, это означает, что пациент при смерти? – Евгений Валерьевич начинал сердиться.

– Нет, но, мне кажется, немного странная реакция на то, что я сказал, – бесстрашно заметил Сергей.

Евгений Валерьевич снова нацепил очки и пододвинул к себе бумаги для заполнения. Продолжив переписывать что-то из толстой тетради, он сказал:

– Дело не в том, *что* вы сказали, дело в том, *как* вы это сказали, – мягко проговорил он.

Тут он поднял поперех очков глаза на Сергея и по-доброму ему улыбнулся.

– Всё будет хорошо.

Сказать, что остаток дня Сергей провел в недоумении, значит смазать краски. На самом деле, он был почти в панике. Он готов был поверить в чтение мыслей, телекинез, во что угодно. Он провел в кабинете врача три минуты. Ровно! А тот с ним говорил так, будто знает всё. Но. Если бы он знал все, вряд ли бы так ласково ему улыбался. Он бы испугался и не подал виду, либо под каким-нибудь предлогом вышел из кабинета и вызвал полицию. Хотя. Что бы он полиции сказал? А может, он знает даже, где тела, если так насквозь его читает. И опять же, не стал бы он так мягко с ним беседовать.

Сергей собирался зайти к психиатру для очистки совести. На случай, если у него совсем того с головой, опытный врач сразу увидит. Но все равно, это не та реакция, которой он ожидал.

«Всё будет хорошо».

Для кого? Для него? Вот уж, прямо скажем, сомнительно. Для него закрыт путь даже в чистилище. Его душу ожидают вечные страдания. И он бы рад прикинуться атеистом, сказать, что после смерти ничего не остается. Но он верил. Верил в то, что душа его поплатится за то, что он делал. А тут его заверяют, что всё будет хорошо.

Так может, это была дежурная фраза? Ну, конечно. Вот идиот романтичный. С чего он взял, что это было сказано лично. Он говорит это всем пациентам. Потому и хвалят его, потому и приносят каждый божий день по несколько конвертиков с голубыми, а может и оранжевыми, купюрами.

Сергей немного успокоился. И все-таки рецепт. Он достал его из кармана пиджака и попытался прочитать. Секретный шифр. Масоны.

Он зашел в аптеку и молча сунул рецепт в окошко фармацевту. Женщина в таком же белоснежном халате, как у врача (точно, тайный орден), молча посмотрела на рецепт и выдвинула один из множества одинаковых ящиков. Достала оттуда две коробочки.

– Пятнадцать или тридцать миллиграмм? – спросила она пароль.

– А-э-э, – промычал Сергей.

Она убрала одну коробочку в ящик.

– Три девятьсот тридцать. Социальная карта есть?

Глава 6. Очищение

Сергей пропил курс «Арипризола» и записался на ушу.

Он перешел с кофе на цикорий. Цикорий ему не нравился, но он заставлял себя его пить. Он бегал по утрам, хотя это было совершенно невыносимо. Он вкладывал всего себя в работу, решая неразрешимые задачи, и Самуил Аркадьевич уже подумывал перевести его старшим в свой второй офис. Единственное, что его останавливало – нежелание расставаться с собеседником и таким хорошим парнем.

В каждом из профилирующих юристов, работавших в офисе Самуила Аркадьевича, было какое-то пятнышко. Владик слишком много ставил на карьеру. В общем-то, буквально всё. И Самуил Аркадьевич понимал, что вежливое и дружелюбное отношение Владика к нему – ни что иное, как желание понравиться начальству. Максим был хорош, но слишком равнодушен к женскому полу, из-за чего у него возникали регулярные проблемы с девицами и собственной женой. И хотя Самуил Аркадьевич был не ханжа, и напоминал себе, что это не его дело, все же, нет-нет, но его коробило от подобного халатного отношения Максима к браку.

Но вот Сережа. Это был человек, которых поискать. Если бы таких людей было в мире больше, наша жизнь была бы вполне приятной штукой. Он не лебезил, не надевал масок, не врал без необходимости, не грубил. С ним было о чем по-

говорить. На сомнения Самуила Аркадьевича по любому вопросу, не обязательно деловому, у Сергея был какой-то ответ, мысль, которыми он безбоязненно делился с начальником. Заметно было, что он не гонится за деньгами, что даже как-то странно в наш век, не носит модных шмоток, не хвастается. Но при этом его нельзя было назвать скучным, и он точно не был психом. Он не отказывался от спиртного, хотя сам и не выказывал инициативу. Не гонялся за юбками и не рассказывал пошлых анекдотов, при этом сам охотно над ними смеялся. Нравился женщинам. Добрый отзывчивый парень с тяжелым нищим детством в деревне и огромным желанием учиться, что привело к прекрасным результатам. Другим бы пример с него брать.

Но при этом Самуил Аркадьевич беспокоился за Сережу. Одно время тот часто жаловался на головные боли. Хотя сейчас перестал. Но вдруг ни с того ни с сего стал следить за своим здоровьем. Очень тщательно. И видно было, что это не дань моде, а некая суровая необходимость. Все это натуральное питание, отказ от кофе, ушу. Однажды Самуил Аркадьевич застал его за тренировками регулирования сознания. Со стороны казалось, что Сергей просто приложил средние пальцы к вискам и задумался, но директор знал, что делает Сергей, поскольку сам увлекался подобными практиками в юности. Не то, чтобы это пугало или казалось странным. Но возникало ощущение, что Сергей пытается от чего-то избавиться. От какой-то болезни, может высокого давления или

чего-то подобного. Это волновало директора. Не только из-за того, что он переживал за хорошего парня, который был ему почти как сын, но и потому что мог лишиться по болезни ценного сотрудника. Очень ценного.

Вернувшись с работы, Сергей либо шел на тренировки, которые проходили два раза в неделю, либо на пробежку возле Патриарших прудов. Иногда на пробежке к нему присоединялся Дима, а потом они вместе болтали о чем-нибудь, попивая всевозможные травяные чаи, которые приносил приятель. Дима нашел неподалеку магазинчик лекарственных трав, и теперь покупал там различные сборы.

Глава 7. Зов приключений

Сергей проснулся от нестерпимого раздражения. На улице шел дождь. Окно было открыто настежь по случаю жары, но задернуто плотно шторами, чтобы дневной свет не проникал в помещение. Шторы намочило дождем.

Он это понял по просвечивающим мокрым пятнам. Сергей резко вскочил с кровати, быстро подошел к занавескам и яро их отбросил, чуть не сорвав с колец. Со звоном захлопнул старые деревянные ставни и, надавив на разохшееся дерево, закрепил шпингалетами.

После этого он босиком прошел на кухню и поставил чайник. Хотелось курить. Ну, уж нет! Голова не болела, но как будто начинала гудеть – буреизвестник.

Пока закипал чайник, он открыл Яндекс на своем телефоне и пробежал новостные заголовки. Новости были дурные, как будто генератор намеренно выбирал статьи из самых желтых изданий.

Две политические. Третья новость утверждала, что в ближайшем Подмосковье на Западе объявился свой «бостонский душитель». Говорилось о найденном недалеко от платформы теле. Место было то самое.

«Так я же его ножом, почему “душитель”?», – удивился Сергей про себя.

«А что, ты единственный маньяк в Подмосковье?» – сар-

кастически отозвался неприятный внутренний голос.

«Но это мое место», – обиженно заметил Сергей.

«Тогда создай группу в соцсети и собери там всех маньяков, чтобы разграничить территории, распределить права и обязанности, определить сумму ежегодных взносов», – гнусно посоветовал внутренний голос.

Остальные статьи ни словом не упоминали об удушении. Видимо, молодому копирайтеру, передиравшему статью, было известно словосочетание «бостонский душитель», и он решил блеснуть эрудицией в своей статье, пусть и без привязки к теме.

Но если отбросить эту неточность, открывалась не самая славная картина. Брошенное им тело нашли. И не просто нашли, но обратили на него внимание прессы. А значит, полиции не останется ничего другого, как завести уголовное дело. Далее, одно из двух. Об этом деле скоро забудут, и полиция быстренько избавится от него под благовидным предлогом. Либо, скучающие журналисты будут мусолить эту историю, и тогда... Его начнут искать. Наверное. Наверняка.

Какой нестандартный ход событий.

«А почему бы тебе не пойти и не грохнуть еще одного кретина. Ты же количеством и Пичушкина сможешь переплюнуть?» – предложил внутренний голос.

«Не смогу. Я убивал только весной и осенью, значит, около двадцати. Ну, может, чуть больше. До шахматной доски Битцевского маньяка мне еще далеко», – серьезно ответил

Сергей.

«Так можно поднажать. Как раз осень заходит», – напомнил внутренний голос.

Сергей отшвырнул телефон. Хотелось курить. Да что ж это такое! Прямо заядлый курильщик нашелся. Он умылся здесь же на кухне холодной водой. Вытерся вафельным полотенцем. До выхода на работу оставалось еще два часа. Он быстро надел зеленый тренировочный костюм и вышел на пробежку по бульварам.

На Рождественском шел ремонт, и Сергей выбежал на проезжую часть, осторожно двигаясь по краю, чтобы при первой возможности вернуться на бульвар. Пробки только начинались, и машины двигались достаточно быстро. Рядом замедлил ход красный «солярис». Опустив стекло, водитель крикнул:

– Ты еще между машин побегай, спортсмен хренов! Легких не жалко? Лучше б курил.

Шедший впереди автомобиль свернул из ряда, и «солярис» поспешил занять его место.

Злоба Сергея усиливалась.

Вот сейчас бы выследить эту мразь и увеличить список.

Сергей угрюмо стал следить за «солярисом». Он забежал на аллею, чтобы сверху проще было наблюдать. Машина повернула на Цветной бульвар и быстро поехала в сторону Садового. Скорость увеличилась, и Сергей не мог за ним угнаться. Что-то подсказало ему, что «солярис» просто по-

шел на разворот, и сейчас выедет со стороны Трубной. Это было предвидение.

Он пробежал по переулку на Трубную. Издалека как раз приближался красный автомобиль. Сергей перебежал дорогу и остановился наверху за углом. Машина ехала очень медленно, выискивая парковку и периодически получая недовольные гудки в спину. Наконец водитель нашел местечко и стал долго и основательно парковаться, чем привел раздражение Сергея в наивысшую степень. Две машины, ехавшие за «солярисом», скрылись из виду. Улица была совершенно пуста. Можно было бы прямо сейчас подойти к водительскому окну, попросить опустить стекло, и, не давая ему высунуться, задушить там же на водительском сидении. Но всегда существовал риск, что где-то в домах стоит скучающий сотрудник и лениво разглядывает улицу из окна офиса.

Наконец, водитель удовлетворился тем, как поставил машину, вышел из нее, свистнул сигналкой и пошел в сторону бизнес-центра. Сергей устремился за ним и вошел в фойе.

«7:15. Ранний птенчик».

Пока водитель звонил кому-то по телефону, теребя растение в кадке, Сергей быстро прошел у него за спиной и уселся в глухом кресле так, что его не было видно, зато он слышал каждый звук пустого в этот ранний час холла.

Через пару минут к водителю вышел кто-то грузный и сопящий.

– Доброе утро!

– И тебе не хворать. Ну, что там? – казалось, что собеседник только вдыхает воздух, но не выдыхает его обратно.

– Передал.

– Взял, нормально всё? – осведомился сопящий.

– Да, без проблем. Сказал, что завтра придет разрешение на строительство.

– Завтра? Ты ведь должен был сразу его забрать. Он нас кинет, – сопение усилилось.

– Нет, все нормально. Пока вот такое дал.

Зашуршал лист бумаги.

– Да ты совсем дурак что ли, Саш? Эта бумажка бензина не стоит, которого ты нажег на своем драндулете. Если я это покажу Мосгорнаследию, они знаешь, куда меня пошлют? – было ощущение, что у сопящего сейчас случится удар.

– В том и дело, что там как раз была проверка от них. Не мог же он при Денисиваныче разрешение выписывать, – оправдываясь, проговорил водитель «соляриса».

– Там Денис Иванович был? – напрягся собеседник.

– Да, он даже поздоровался со мной, – заверил водитель.

– Он тебя что, узнал? – вдохи перешли в хрипы ужаса.

– Нет. Просто из вежливости поздоровался. Но вы же понимаете, что он не мог при нем, – заискивающе проговорил водитель.

– А ты-то как смог ему деньги при Мосгорнаследии передать? Саш, мне иногда кажется, что ты совсем дурной, – казалось, сопение вновь вошло в нормальное русло. – Не на-

до было ему ничего давать. Нет бумаги – нет денег. Нам теперь только на его честность рассчитывать. Хотя какая на... (на улице резко загудел «камаз», перекрывая все звуки) честность. Ладно, иди.

– Э, так это ... Вы не забыли про меня? – голос водителя казался испуганным.

– Я помню. Получу бумагу, получишь свой лям.

Миллион. За передачу взятки. Сколько ж сама взятка составляет.

Водитель явно хотел возразить, но в фойе, болтая, зашли две женщины. При них выяснять отношения, видимо, было нежелательно. Шаги водителя направились в сторону выхода. Зашуршала вертящаяся дверь. Сергей досчитал до десяти и также направился к выходу. Водитель как раз подошел к машине и задумчиво уперев руки в боки, уставился на свой «солярис».

Как-то скудно для такой зарплаты. Хотя, наверное, это рабочая машина.

Автомобиль двинулся по Трубной, и, если бы продолжил движение по бульвару, то Сергей смог и дальше его преследовать, но день водителя «соляриса» начался не так неудачно, как ему казалось – он свернул к Садовому и, прибавив скорости, быстро исчез из виду. Но Сергей уже потерял к нему интерес. Его беспокоило другое.

Судя по занятиям этого товарища, если бы Сергей избавил от него мир, планета явно не обеднела бы. Хотя, кто зна-

ет, может, он хороший семьянин и отправляет заработанные деньги в приюты для бездомных животных. Потому и ездит на недорогой машине. Всё несчастным животинам. Но все же Сергею было не по себе. А что, если то видение, тот сон или как его назвать (он пока так и не выяснил, как правильно называется то явление, которое произошло с ним в детстве), были не плодом воображения, а действительно неким знаком свыше?

Нет. Это была фантазия. Фантазия его собственного большого уже тогда мозга. И не надо спихивать свои проблемы и свою вину на какое-то мифическое провидение.

Но все же любопытно. Он никогда не знал, кого убивает. Обычно это происходило более или менее спонтанно. Иногда всё проходило в бессознательной фазе, и он приходил в себя уже стоя над бездыханным телом. Бывало, что он пару-тройку дней выслеживал жертву. Но опять-таки не наблюдалось явных критериев, по которым он отбирал жертв. Мужчины и женщины. Все ли они курили? Нет, не все. Может, были пьяные? Тоже далеко не всегда. Грубили? Вот это случалось частенько (во всяком случае, те, за которыми он следил). А, так вот в чем дело. Он очищает мир от грубости. Зеленый свет – воспитанным людям. Нет, суть таилась где-то глубже. Похоже, придется поискать информацию о его «клиентах». И как? Он даже имен их не знал. Можно начать с последнего. О котором заговорили в СМИ.

На работе, разделавшись с бумажной волокитой и проконсультировав одну забавную ипэшницу, которая постоянно его развлекала своими чрезмерно хитроумными идеями и схемами, как снизить страховые взносы в пенсионный фонд, Сергей налил себе растворимого кофе (да! Потому что от цикория его уже воротило) и погрузился в чтение статей об убийстве в Подмосковье.

О жертве было известно немного. Это был мужчина сорока лет. Тараскин П.И. Работал менеджером в магазине автозапчастей. При этом у самого не было ни автомобиля, ни прав. Не был женат. Родственники остались в Ростове, откуда он родом. Жил неподалеку от места убийства. Снимал квартиру.

Сергею этого явно было мало. И всё? Но где зацепка? Чем он ему не понравился? Может, тоже грубил всем вокруг.

Сергей побарабанил пальцами по столу, после чего решил позвонить автору статьи, в которой были наиболее подробные сведения о жертве.

Он нажал кнопку на интеркоме:

– Юлия Яковлевна, не отвлекаю?

Интерком прошуршал в ответ.

– Вы можете связать меня с одной журналисткой?

Он назвал секретарю издание и фамилию журналиста.

Меньше, чем через полчаса журналист сама позвонила ему. Это оказалась очень разговорчивая молодая девица, ко-

торая была в восторге от серийных убийц и особо это не скрывала.

Да, можно получать восторг, вникая в детали, изучая истории, но вряд ли она получит удовольствие, если ей придется принимать участие в самом действии. Хотя. Зависит, конечно, в какой роли она будет выступать. А вообще получают ли жертвы удовольствие? Бывают ли такие? Мазохисты, например.

Сергей мысленно проиграл в голове лица тех, кого он помнил в момент убийства.

Нет, пожалуй, удовольствия там не наблюдалось. Ну... если только очень специфическое.

– А собственно, почему вы интересуетесь им? – спросила его журналистка на десятой минуте разговора, большая часть которого исполнялась соло.

«А я-то думал, что журналисты в основном задают вопросы», – заметил он про себя, слушая веселый щебет девушки в трубке. Вслух он сказал:

– Объясню. Я – адвокат. Ко мне обратился клиент, который был связан с жертвой и всем этим делом. Подробности? Пока, к сожалению, не могу вас в них посвятить. Может быть, позже, когда дело будет закрыто. И, разумеется, с согласия клиента. Но я буду вам чрезвычайно признателен, если вы сможете сообщить мне полное имя-отчество этого Тараскина, а также адрес квартиры, в которой он жил.

– Да можно, в принципе, раз вы адвокат, – дружелюбно

откликнулась девушка. – Запишите?

Зажав трубку между плечом и ухом, Сергей взял листок для заметок и мелкими каракулями записал адрес.

– А вы сами там были? – поинтересовался он.

– Где? На месте преступления? – уточнила журналистка.

– Нет. В квартире.

– Да, была. Он снимал на двоих, с одним парнем из Ростова. Я поболтала с этим парнем, но он мне ничего особенного не сказал. Только, что Тараскин этот был очень жадным, каждый вечер пил пиво и частенько хамил. Ну, как-то про умершего такое писать... Сами понимаете. Меня вообще удивило, что он так зло о нем отзывался. У меня тоже соседка не очень по характеру, но, мне кажется, если бы она стала жертвой маньяка, я бы не стала говорить о ней плохо.

«А если бы ты стала жертвой?»

Сергей улыбнулся. И резко одернул себя. Хватит этих игр!

– Я, честно говоря, даже подумала, может, это он его убил... Я бы провела расследование, но мне редактор не разрешает, – пожаловалась журналистка.

– Думаю, не стоит, – заметил Сергей. – Мне кажется, это опасно. Ведь, если он действительно убийца, а вы его раскроете, он, ну, понимаете...

– Типа, убьет меня? – весело спросила девушка.

– К примеру, – осторожно согласился Сергей.

– Я ведь журналист, – сообщила она ему успокаивающе, как бы напоминая, что у нее есть страховка на все случаи

жизни.

Сергей чуть было не рассмеялся в голос.

– Ну да, – снова согласился он. – Ладно, я, пожалуй, съезжу к нему. Большое спасибо за помощь.

Ехать уже не имело смысла. Он выяснил, всё, что хотел. Человек, с которым Тараскин жил в одной квартире, земляк, между прочим, после зверского убийства отзывается о нем, мягко говоря, нелестно. Это показательно.

И что. За это его убивать?

«Но я же не приговор выношу. Я просто пытаюсь выяснить, какая у меня система, – оправдывался Сергей перед собой. – Если она вообще есть. Должна быть. У всех маньяков есть система. А я один из них».

И все же. Один человек – не показатель. Он должен узнать о других.

Глава 8. Следователь

«Пора заводить инстаграм», – подумал Андрей, разглядывая фотографию жертвы. Тело нашли через четыре дня после убийства. Не самое приятное зрелище. Андрей рассматривал фотографии уже минут тридцать. Материалы он позаимствовал и помнил, что до полудня их надо вернуть.

В кабинет без стука вошел начальник. Майор был старше Андрея, и теперь с нетерпением ожидал выхода на пенсию. Следить за весом при таком безумном рабочем графике ему не особо удавалось, в последнее время раздражало высокое давление, а снижаться ему, имея в распоряжение такого сотрудника, как Андрей, было не с чего. Нет, с одной стороны, Андрей ему нравился. В последние пятнадцать лет людей, работавших за идею, почти не осталось, и на Андрея он посматривал со смешанным чувством уважения и раздражения. Уважение вызывало стремление следователя всё сделать правильно. Собственно, причина раздражения заключалась в том же, но сюда добавлялся еще и совершенно несносный характер подчиненного, которому в запале сам черт был не брат. А запала было не занимать. Андрей походил на уголь в мангале, пропитанный жидкостью для розжига, от которой неслабо разит соляжкой, – чиркни и полыхнет.

– И чем это занимаешься? – настороженно спросил майор.

Андрей продолжал разглядывать фотографии.

– Да вот, изучаю, – неопределенно промычал он.

Майор, придерживая одной рукой живот, перегнулся через стол, чтобы взглянуть на снимки.

– Это ведь менеджер, – удивился он.

Андрей оставил это замечание без ответа.

– Андрей, своей работы у тебя нет? – в голосе майора чувствовалось напряжение.

Андрей, не отрываясь от фотографий буркнул:

– У меня перерыв.

– Вот как? – майор сложил руки на животе. – А ты в курсе, что в перерыв положено отдыхать? Или хочешь заработать нервный срыв от перенапряжения?

– Не заработаю, – вновь буркнул Андрей.

Майор уже забыл, зачем вообще зашел к подчиненному. Он помолчал, сжав губы, посмотрел на лысеющий лоб Андрея, ожидая, что тот оторвет глаза от трупных пятен и соизволит посмотреть на него. Но Андрей не собирался этого делать. Он не обязан смотреть на этого упыря, пусть хоть чётку отбивает.

– Андрей, а теперь на меня посмотри, – не выдержал майор.

Андрей с равнодушным видом поднял взгляд к начальству.

– Послушай, это дело Володи и Стаса, – терпеливо начал разьяснять майор. – Когда я решу, что пора заменить Стаса тобой, тогда будешь изучать их материалы. Занимайся своей

работой. У тебя план в этом месяце опять не выполнен, – начальник старался говорить спокойно, но глядя в нарочито скупающее лицо Андрея, начинал выходить из себя.

– Вы хотите, чтобы я, как Стас, занимался тем, что сам фабриковал и закрывал дела ради статистики? – Андрей медленно поднялся из-за стола, сжав зубы.

– Я хочу, чтобы ты выполнил план! – рявкнул майор и вышел, несильно, но жестко хлопнув дверью.

Андрей сел за стол и вновь принялся изучать фотографии. Вдруг с раздражением отбросил их, откинулся на стуле, постукивая пальцем над губой.

Он прекрасно знал, что майор не одобрит его интерес к делу о серийнике, – а что это была серия, пусть и прерывистая (между последними двумя убийствами прошло чуть больше трех лет), следовательно не сомневался. Дело было у Володи. И если ему не удастся найти этого психопата, а при таких скудных данных, скорее всего не удастся, то его достаточно легко будет уговорить скинуть это дело при первом удобном случае. А вот если каким-то образом Андрею удастся забрать его в свои руки, он не отпустит убийцу до тех пор, пока этот псих не сядет. И, конечно, майору в условиях нынешней жёсткой статистики и бюрократии такие идеалисты даром были не нужны.

Андрей и сам видел, что он не может выполнять план, он просто не в состоянии в такие короткие сроки по-настоящему расследовать дела. Его раздражало, что коллеги занима-

ются ерундой, лишь бы привести в порядок бумаги. Какая-то мелкая коррупция, торговля без лицензии, – черте-что, когда по району ходят насильники, воры и, как теперь выясняется, серийный убийца.

Он хотел это дело. Больше всего на свете он хотел доказать, прежде всего самому себе, что он чего-то стоит, что он настоящий следователь, борец со злом, а не просто удачно занявший кабинет блатной. И вот теперь представился такой случай. Если бы он смог забрать это дело у Володи... Володя бы отдал за милую душу, какие вопросы, но майор этого точно не допустит.

Андрей несильно хлопнул ладонью по столу. Придвинул папку с материалами и принялся изучать документы. Дела еще не объединили, но Андрей знал, что работал один человек. Если такого уroda вообще можно назвать человеком. Он при первом просмотре понял, что все три убийства совершило одно лицо. Пусть и разными способами. В его районе безнаказанно разгуливает маньяк, серийный убийца. Да, все три жертвы были мужчинами, но кто знает, может приняться за женщин и детей.

Он подумал о том, что жена, когда везет дочку к бабушке, проходит через этот лесок, подходя к электричке. Там обычно пустынно. Редкие велосипедисты, иногда районные алкоголики – в особо погожие деньки. И этот подонок.

Хотя в каком-то смысле и не совсем подонок. Во всяком случае, все три жертвы при жизни были малоприятными

людьми. Оба зарезанных, так или иначе, были связаны с автомобильным бизнесом. Один – менеджер по продаже запчастей, второй работал в жульническом сервисе на дороге.

Автомобилист?

А вот третий не вписывался в эту компанию. Он был преподавателем в одном уважаемом ВУЗе. И, как выяснилось, брал взятки со студентов, чтобы они могли сдать его предмет. Профильный предмет, без которого невозможно перейти на следующий курс. С парней брал деньгами, ну а студентам предлагал, так сказать, скидки.

М-да. Рыбак рыбака. Урод на уроде и уродом погоняет.

Значит, этот товарищ следит за ними, выясняет, чем они занимаются, и, поняв, что клиент заслужил наказание, приводит приговор в исполнение. Молодец, ничего не скажешь. Кто без греха, пусть первым бросит в меня камень. Видимо, считает себя посланником Божиим. Карающей рукой.

Религиозный фанатик?

Надо бы посмотреть соседние участки. Вряд ли он ограничился тремя жертвами. Только кто ж Андрею позволит это сделать?

«Занимайся своей работой», – вспомнил он слова майора.

Он раздраженно сгреб документы, аккуратно сложил в папку и пошел в кабинет Володи.

Глава 9. Кто эти люди?

Сергей изучал странички в соцсетях, звонил знакомым юристам, адвокатам, в налоговую. Проще говоря, собирал информацию о собственных жертвах. Хотя бы о тех, имена которых знал. Их было не так много. Чем усерднее он искал, тем больше брови его ползли вверх.

Настасьяна Инга Адольфовна. Вот это имя! Была настоящим местечковым наполеоном. Держала свою семью в черном теле буквально. Дочку с малых лет отправляла под различными благовидными и не очень предложениями в больницы, а сама выбивала у государства пособия. Даже каким-то образом добилась пособия по инвалидности. Мальчика била. Регулярно. Соседи неоднократно жаловались в службы. Но ничего не менялось. Заставляла его делать всю женскую работу. Только женскую. Стирать, выбрасывать мусор, мыть посуду, шить, вышивать. Никакого общения со сверстниками. Ее соседка выложила в фейсбук историю про то, как эта Инга Адольфовна (имена были изменены, но Сергей понял, о ком речь) увидела в окно своего сына, играющего в футбол, вышла во двор, при всех сняла с него штаны и выпорола ремнем. Мяч выбросила на проезжую часть.

Сергей вспомнил, как мать гонялась за ним по дому с молотком. Он не мог убежать, потому что на улице уже несколько дней бушевала метель, а он еще не успел расчи-

стить тропинку. Причиной было то, что он не принес воды из колодца, а ей хотелось пить после вчерашнего.

– Я снег должна жрать по-твоему?! Так ты с матерью?! Сам и будешь его жрать!

Во время погони она выронила молоток, и теперь, схватив его за шиворот, головой засунула в пухлый колючий сугроб у двери.

Сергей потрепал волосы, стряхивая фантомный снег.

Следующим шел Васюкин Антон Сергеевич. Районный алкаш, бил жену смертным боем, а когда та сбежала с ребенком, нашел ее и нанес увечья, в результате чего та получила инвалидность, но, в отличие от дочери Инги Адольфовны, вполне реальную. Было заведено уголовное дело, и Васюкину дали два года условно.

Теперь в памяти возник один из материных сожителей, который...

Не отвлекаемся. Дальше.

Дальше шла пожилая дамочка, занимавшаяся разливом технического спирта по бутылкам, на которые наклеивалась этикетка «Джек Дениелс», и алкоголь уходил на продажу. Она же поставляла воду в детские сады.

Еще был мужик, который сжег конюшню своего соседа. Погибли все лошади и пьяный сторож. Владелец конюшни после этого повесился.

Сергей смог найти информацию только о четверых из десяти, имена которых были ему известны. Хотя уже эти чет-

веро были показательными случаями в его картотеке.

Еще троих он нашел в Одноклассниках, но никакой резонирующей информации там не наблюдалось. О тех четверых он узнал через своих коллег, юристов разных профилей. Но они могли дать информацию только в том случае, если личность хоть как-то затрагивала кодексы – гражданские, административные, уголовные. Они не могли сказать, приятные ли были эти люди, остались ли их дети сиротами, разбились ли сердца их близких.

Вообще, тот факт, что никто никогда не заявлял о пропавших, говорил о том, что разбитых сердец, скорее всего, не было.

Пропал из жизни неприятный сосед/родственник/коллега. Да и черт с ним.

А финансы?

Но он уже кинул список своему коллеге, занимающемуся банковскими операциями. Пока тот ничего не сказал.

«Может в полицию обратиться? Пусть помогут мне найти моих жертв», – Сергей улыбнулся этой мысли.

Он уже обратился в полицию, хотя пока этого не осознавал.

Глава 10. Не ходи туда, там крокодил

Старший следователь Владимир вертел в руке фотографию убитого Тараскина, ожидая, когда откроют дверь. Андрей и Стас стояли позади.

Андрей разглядывал обшарпанный подъезд. Оконные рамы были заменены на пластиковые, и стояли новенькие батареи. Все это контрастировало с облупившейся краской и застоявшимся запахом табачного дыма. На лестнице постоянно курили, подтверждением чему служила помятая пивная банка на подоконнике, набитая окурками.

Стас – помощник следователя – уныло водил пальцем по экрану смартфона. Все трое были в штатском.

Дверь открыл, опасливо на них поглядывая, молодой мужчина, не старше тридцати, спортивного телосложения.

– Анатолий Анатольевич, верно? – Владимир приветливо улыбнулся.

Мужчина кивнул.

Владимир поздоровался, представив себя и своих коллег, и сказал, что хочет поговорить по поводу убийства соседа.

– А, сейчас, я только оденусь, – неуверенно сказал мужчина, на котором были шорты и майка.

– Ехать никуда не нужно, – остановил его Владимир. –

Можно у вас поговорить. Если вы не против, конечно.

Андрея всегда поражала в старшем товарище эта вежливая манера общения. Он никогда не видел и не слышал, чтобы Володя кому-то грубил или даже просто повышал тон. Из них мог бы получиться отличный тандем – добрый и злой следователь. Жалко, отделы разные. Андрею и так еле удалось уговорить начальство отпустить его на этот допрос. Место убийства он вообще сам смотрел, после работы пошел, хорошо хоть представлял, куда идти нужно. Так-то, Володя со Стасом вдвоем должны были на допрос ехать.

Андрей взглянул на Стаса.

«Тот еще работник. В смартфоне улики что ли ищет? В приложении».

Анатолий вновь неуверенно посмотрел на них.

– А там протокол, записи всякие вести разве не нужно?

– Да, с вашего разрешения, мы включим диктофон. И, конечно, будем вести протокол, – Володя повернулся в сторону Стаса, который уже убрал смартфон в карман и устало смотрел на Анатолия.

– А, ну хорошо, если так можно, я только за, – Анатолий открыл дверь шире, приглашая их войти.

Все трое пошли за ним на кухню.

– А то ведь вы увезете, а обратно-то своим ходом, – засмеялся он.

– Ну, зачем же так, – в тон ему ответил Владимир, и без перехода спросил. – Здесь одна комната, правильно?

Анатолий кивнул.

– Посмотрим комнату? Ордер мы не выписывали, но если вы позволите просто взглянуть, – Владимир как будто извинялся.

На самом деле, ордер был, на всякий случай. Андрей об этом знал. Но такая уж у Владимира была тактика. Не хотел пугать свидетелей излишними бюрократическими формальностями. Если артачились, тогда конечно, бумага извлекалась на свет божий.

– Да конечно, без проблем! – Анатолий открыл дверь в комнату.

Комната была в бабушкином стиле. Старый потрескавшийся паркет, чугунная батарея, стыдливо прикрытая долгополым выцветшим тюлем, за тюлем пепельница на подоконнике. Доисторический шкаф с зеркалом посередине. Один диван возле двери, один – у окна. На дальнем – аккуратно заправленная пледом постель, на другом – раскиданное одеяло, смятая простынь. Неизменный ковер на стене.

– Который ваш? – как бы из простого любопытства спросил Владимир.

Анатолий показал на заправленный диван у окна.

– Понятно. Курите?

– Нет.

Володя повернулся к Стасу.

– Стас, сделай опись пока, а мы пойдем на кухню, поболтаем. В ванную потом заглянем. Тут ведь совмещенный сан-

узел? – обратился он уже к Анатолию.

– Да, то есть, нет, отдельный, – как ни был Владимир приветлив, Анатолий все равно чувствовал себя не в своей тарелке, возможно из-за Андрея, который своим пристальным хмурым взглядом портил Владимиру всю миролюбивость.

Они прошли на кухню. Андрей понял, что может делать что угодно, только не мешать. Пока Володя заполнял стандартный бланк, выясняя у Анатолия его данные, Андрей вернулся в комнату.

Стас неторопливо писал в блокнот и фотографировал все детали. Андрей двумя пальцами приподнял уголок небрежно висевшей на стуле футболки-поло.

– «Лакоста». Неплохо так, – заметил он вскользь.

– Думаешь – убитого? – без интереса спросил Стас.

– Ну, точно не соседа. В нее два таких как он поместится.

– Красиво жить не запретишь, – отделался Стас шаблонной фразой.

«А вот помешать можно», – цинично подумал Андрей.

Он вернулся на кухню, где Анатолий, уже расслабившись, – наверное, в отсутствие Андрея, – рассказывал Володе о том, какой паршивый человек был его сосед.

Андрея это не особо удивило. Даже на фотографии по искаженному лицу жертвы было видно, что при жизни человек был неприятный. Андрей неплохо разбирался в физиогномике и умел считывать характер. Признаться, он редко встречал по-настоящему приятные лица, но менеджер сразу

вызвал у него резкое отвращение. Рассказ Анатолия только подтверждал мнение Андрея об убитом.

Он пригляделся к лицу свидетеля. Обычный парень. Работает. Жена в Ростове. Деньги туда отправляет. Не курит, не пьет, только, может, изредка пивка с ребятами. Не дурак. Обычный. На патологического вруна не похож. Андрей знал, что Владимир его еще будет проверять, и не такой он следовательно, чтобы только по одному ощущению вычеркнуть человека из списка подозреваемых, но Андрей уже знал. Анатолий – не маньяк.

– Хорошо, – сказал Владимир, записав слова свидетеля. – Я задам стандартный вопрос – видели ли что-нибудь необычное, странное в тот день или, может быть, накануне?

Анатолий всерьез задумался.

Он видел в тот день, как по двору пробежала черная кошка, которую он там никогда не замечал прежде, но решил следователям об этом не говорить.

– Да нет, наверное, ничего такого, – он пожал плечами.

– Понятно, – Владимир протянул ему свою визитку. – Вот, возьмите. Это мой личный телефон. Если вдруг вспомните что-то – звоните смело. Хоть в час ночи.

Анатолий кивнул.

– Ладно, – он убрал визитку в карман шорт.

Проводил их до двери, сохраняя выражение глубокой задумчивости на лице. Все трое попрощались и вышли.

Володя и Стас спустились по лестнице, Андрей чуть за-

держался, рассматривая надписи на стене, среди которых цензура была не в почете.

Дверь снова открылась, из нее выглянул Анатолий с озабоченным лицом. Увидев Андрея, он растерялся, но, все же решился и сказал:

– Извините...

Андрей повернулся к нему:

– Да. Что-то вспомнили?

– Ну, да, возможно, – Анатолий чуть поморщился. – Дня за три до всего этого, у нас по двору возле гаражей ходил какой-то мужчина. Немного необычно выглядел. Деловой костюм, портфель такой дорогой, ну вроде крокодиловой кожи. В смысле, для нашего двора странновато смотрелся.

Андрей кивнул.

– Не знаю, имеет ли значение, просто... – Анатолий замялся.

– Все правильно. Очень хорошо, что сказали, – успокоил его Андрей.

Анатолий кивнул и закрыл дверь.

Андрей поспешил вниз, чтобы рассказать об этом Владимиру.

Владимир и Стас дожидались его на улице.

– Крокодиловый портфель? – удивился Володя. – Представляю себе это зрелище.

Андрей и сам представил. Они стояли на потрескавшемся асфальте, который и асфальтом-то по-хорошему назвать

нельзя было, между двухэтажным домом с облупившейся бежевой краской и ржавыми рядами гаражей. В стороне располагалась песочница, над ней на веревке, натянутой между двумя покосившимися металлическими столбами, висело белье. Неподалеку стояли два барака. Крокодиловый портфель был эффектным дополнением к этой картинке, ничего не скажешь.

Глава 11. Звоночек

Прошло больше года от последнего всплеска раздражительности Сергея, когда он следил за водителем «соляриса». За это время его мистер Хайд ни разу не просыпался и не давал о себе знать. Это вселяло надежду. У него исчезли головные боли, и совсем не хотелось курить. Даже открылось какое-то доселе неведомое ему дружелюбие. Раньше Сергей только изображал его. Изображал очень хорошо, нередко люди называли его хорошим другом, человеком, на которого можно положиться в трудные минуты. Но прежде это была только маска. А теперь Сергею действительно нравилось вести беседы с Самуилом Аркадьевичем, его всерьез заботило, что сказал ветеринар, после того как Лора, чихуа Самуила Аркадьевича, съела ночью коробку конфет, он искренне радовался свадьбе дочери Юлии Яковлевны, и ему на самом деле стало интересно, как продвигаются дела у Димы в его новом проекте.

С Димой они теперь разговаривали, как настоящие друзья. Сергей даже немного рассказал ему о своем детстве в деревне, но того привел в такой ужас рассказ о том, как мать заживо сварила курицу, что больше о деревне Сергей не распространялся.

Он сидел в кабинете, изучая документы.

– Сергей Сергеевич, к вам Надежда Петровна, – голос секретаря вывел из задумчивости.

Пришла его любимая ипэшница.

– Сергей Сергеич! – дама, укутанная в долгополое пурпурное платье, как в саван, взирая из-под шляпы в тон платью, молитвенно сложила руки. – Только вы сможете меня спасти! Я погибаю!

Сергей улыбнулся и, обойдя стол, предложил даме кресло.

Усевшись напротив, он еще раз ей улыбнулся. Искренне.

– Ну, давайте вас спасать. Рассказывайте.

– Ах, это какой-то тихий ужас. Триллер! – она закатила глаза и прижала руки к сердцу. – Вы знаете, что на мне ничего нет. Гола, как церковная мышь. Всё на моем муже. Конечно, мы не оформляли свои отношения в ЗАГСе.

– Нотариальный договор, я помню, – кивнул Сергей.

– Так вот. Вчера мне пришло письмо от судебного пристава, что мой муж... Мой муж! Должен почти пять миллионов... Ах!

Без какого-либо стеснения, она достала из сумочки флакончик с нюхательной солью и пару раз потянула носом над пузырьком.

– Господи, они наложили ограничения на нашу квартиру. Ту, которая в Коломенском.

Она с выражением первобытного ужаса посмотрела Сергею в глаза, как бы не видя его, и прошептала:

– Что же теперь будет?

Сергею стоило больших усилий сдерживать улыбку.

– Документы принесли? – спросил он, стараясь быть строгим.

Она засуетилась, доставая откуда-то из-за платья портфельчик и вытаскивая документы.

– Да-да-да... Вот тут всё, всё есть. Разберитесь, голубчик, выручите из беды.

Сергей полистал бумаги.

– Я думаю, что они подозревают нечистую схему и запугивают вас. При беглом взгляде могу сказать, что вынесение ограничений неправомерны, но, конечно, нужно разбираться.

Надежда Петровна покусала губы, поерзала в кресле, вздохнула и прошептала:

– Сергей Сергеевич. Постановление вынес Тверской суд.

– Понятно. Это не страшно.

– Правда?

– Конечно. У меня там хорошие отношения с судьями. Не Конева, случайно, выносила постановление?

– Она, – кивнула дама.

– Так вообще прекрасно, – сказал Сергей, хлопнув папку.

Надежда Петровна радостно подпрыгнула на стуле и хлопнула в ладоши от счастья.

Сергей сделал серьезное лицо.

– Подождите радоваться, – прервал он ее восторг. – То,

что шансы хорошие, еще не гарантирует стопроцентный результат. Я сейчас внимательно изучу ваше дело, и, если все хорошо, позвоню Коневой. Скорее всего, подадим апелляцию. Мы еще успеваем.

Надежда Петровна приложила к груди руку, усыпанную массивными перстнями, и закатила глаза.

– Сергей Сергеевич! Вы мой герой!

Сергей предостерегающе поднял палец. Она тут же всплеснула руками – молчу-молчу, – поднялась и, как большое пурпурное облако, выплыла из комнаты.

Сергей позволил себе наконец усмехнуться и стал листать документы. По всей видимости, ему удастся снять ограничения и вообще отменить этот нелепый долг.

Тот факт, что Надежда Петровна вела серые схемы, несколько не беспокоил Сергея. Он знал, как ее любил муж, хотя здесь была меркантильная причина, но главное – внуки. Они просто обожали бабушку.

Вошел Самуил Аркадьевич. Он аккуратно прикрыл за собой дверь.

– Что, в трудах аки пчела? – поинтересовался он.

– Да у Надежды Петровны тут проблемка, – объяснил Сергей.

– Надеюсь, ничего серьезного? – обеспокоенно спросил директор.

– Нет, ерунда.

– Это ха-ра-шо, – Самуил Аркадьевич уселся в кресло напротив Сергея чуть боком и положил левую руку на стол.

Сергей посмотрел на него, ожидая рассказа о чихуа.

– А я вот, знаешь, тут подумал. Всё взвесил, – начал Самуил Аркадьевич. – Возможно, я тороплюсь, но хочу, чтобы у тебя была, как это сейчас модно говорить, дополнительная мотивация.

Сергей вопросительно посмотрел на Самуила Аркадьевича, догадываясь, на что тот намекает.

– Сережа. Ты ведь знаешь мою вторую контору на Рождественке?

– Конечно, – кивнул Сергей.

– И Лихачева ты помнишь?

Лихачев был заместителем Самуила Аркадьевича во втором офисе.

– Видел пару раз.

– Ну, так вот. Этот шельмец все сбежать от меня хочет, – продолжал директор. – В Англию надумал уехать. Но я ему сказал: пока замену не найду, развивай в себе патриотизм.

Сергей улыбнулся.

–Я думаю, в целом, ты уже готов, только паре вещей тебя обучить, – заявил юрист. – В пять соберемся у меня в кабинете, Владик и Максим введут тебя в текучку по своим делам, и ближайшее время ты будешь их курировать. Если все пройдет гладко, месяца через три станешь мной на Рождественке. Устраивает тебя?

Сергей распустил улыбку до ушей.

Впервые за много месяцев он улыбался не совсем искренне. Карьерный рост. Он, деревенский дурачок, в двадцать семь лет уже заместитель самого Самуила Аркадьевича, матерого юриста, прошедшего девяностые. Но. Ведь теперь он не будет появляться в этом офисе, не будет видеть Юлию Яковлевну, которая стала ему почти как старшая сестра. И вообще, тут он чувствовал себя по-настоящему хорошо. Да и с Самуилом Аркадьевичем они будут встречаться гораздо реже. А хотелось ли ему этого? Нужна ли ему эта карьера? Конечно, нет. Но, с другой стороны, работы прибавиться, а для Сергея это безусловно хорошо.

– Ну как, подходит тебе мое предложение? – повторил директор.

– Конечно, подходит! – Сергей снова радостно улыбнулся.

– Вот и замечательно. Да ты не грусти. Знаю, о чем ты думаешь. Мне и самому с тобой не хочется расставаться. Но мы ведь приходим в этот мир по одному. И должны делать свое дело. А все эти дружеские привязанности, это так, приправа.

Сергей усмехнулся.

– Да, похоже на то, – согласился он.

– Вот и молодец. А теперь, давай, не подведи меня. В пять жду тебя в своем кабинете, – Самуил Аркадьевич легонько шлепнул по столу и вышел.

Сергей вернулся домой в девятом часу. По дороге он за-

шел в кафе и взял ужин с собой. Он здорово проголодался и устал. Три часа слушать про хитросплетения земельного кодекса. И это всего по одному делу. Да, земля – дело сложное.

Но и усталость и голод были приятны. Сергей разложил ужин на кухонном столе, с удобством устроился на табуретке, потом мечтательно посмотрел в левый верхний угол, встал и достал из шкафчика полбутылки красного вина, налил себе треть стакана.

– Ну, ваше здоровье, – прошептал он, поднимая стакан.

Из прихожей донесся нарастающий звонок телефона. Сергей забыл достать мобильник из кармана куртки, которую повесил в шкаф. Судя по тому, что он услышал телефон, звонили давно и настойчиво.

«Наверно, прихватил какие-то документы Владика», – подумал Сергей, поставил стакан на стол и пошел за телефоном.

На экране высветилось одно слово: «Мать».

Внутри все похолодело, руки задрожали. Он быстро провел пальцем по экрану, телефон не среагировал, провел еще раз.

– Алло.

– Ты чего там, драчишь? Забыл, как трубку брать? – резанул голос матери.

Его передернуло.

– Прости, мам, я не слышал, – начал оправдываться он.

– Не слышал он, конечно. Небось, СПИД там уже схлопо-

тал себе, вот уши и не слышат.

Сергей облизал губы.

– Так. Вот что. Я по делу звоню, – перешла мать на деловой тон.

Без дела она никогда не звонила.

– Помнишь гроб, который стоит на чердаке? – спросила она.

– Да.

– Замечательно. Память еще цела. Ну, вот приедешь и достанешь мне его, – скомандовала она.

– Господи, мам, ты что?! С тобой все хорошо? Ты заболела? – испугался Сергей.

– Вот как был дебилом, так и остался. Не делает Москва людей из дебилов. Не-де-ла-ет. Гроб нужен соседке нашей, Тамарке. Померла она. Денег естественно нет там ни у кого. Во всяком случае, на похороны.

Она крякающе хохотнула.

– Я им свой гроб отдам. Все равно он уже подгнил. А ты мне новый купишь. Чай, не бедствуешь там, – заметила она.

– Так как же я...

– Завтра чтоб был. Утром. Все понял?

– Да... но... там что, никого нет, кто может этот гроб достать? – он даже сам испугался своей дерзости.

– Так, я *пОняла*, ты там совсем обнаглел. Я тебе сказала завтра утром быть дома.

Разговор прервался. Сергей стоял весь в холодном поту.

Во рту пересохло.

Он пошел в ванную, быстро скинул с себя одежду и встал под холодный душ, с жадностью глотая холодные струи.

Выйдя из душа, оделся, посмотрел расписание. Через два часа шел автобус от Тушинской. Взяв куртку, он быстро вышел из дома.

Стакан с вином и остывающий ужин остались на кухонном столе.

На Тушинской Сергей купил себе гамбургер, но так и не притронулся к нему за всю поездку.

Глава 12. Мать

Как у всякой матери, у Любви была ментальная связь с сыном. За это она его и не любила. Чем-то задним она чувствовала, что он – продолжение ее самой. А самой себе она не слишком нравилась. И хотя Любовь была властная и сильная женщина, она считала себя ущербной, никчемной, туповатой. Ей так внушили в детстве, и она прожила с этой уверенностью все свои сорок четыре года.

В четвертом часу утра Сергей вышел из автобуса на трассе и за полчаса по тропинке дошел до деревни.

Около шести из деревни выезжали только три машины, по-видимому, спешившие на работу в Тверь. Остальная часть населения спала. Хозяйством почти никто не занимался. Большинство населения разъехалось по городам или спилось.

Сергей подошел к калитке. Трава белела инеем августовского утра. Деревья струились черными лентами по небу. Было еще темно. Сергей замерз, пока шел через лес, одежда намокла. Волосы слиплись. Он стоял и смотрел на свой покосившийся дом с облезшей зеленой краской и пятнами разнокалиберного шифера на крыше. Двор, как и прежде, был в бурьяне, приникшем к земле и пожухлом, по случаю прошедшего жаркого лета.

Юрист? Москва? Ценит начальник? Ты никто. Вот твое

место.

Он посмотрел себе под ноги, потом приподнял калитку и открыл ее. Это привычное движение врезалось в его сознание.

Мать еще спала. С огромной русской печи, занимавшей добрых две трети комнаты, разносился ее гудящий храп с присвистом. Такой знакомый. Она и в его детстве редко просыпалась раньше полудня. Только во времена особо сильных запоев, бывало, вставала еще до зари. Злая.

На столе было пусто, если не считать полной полулитровой банки окурков. Дом не проветривался, и сигаретный дым резал глаза. Сергей зажал себе рот рукой, чтобы не закашляться. Он совсем отвык.

Переодеться было не во что. В доме холод. Мать даже зимой топила не каждый день, по причине отсутствия дров, что уж говорить про середину августа.

Он зашел за печку, где по-прежнему стоял сундук с наваленными на него драными ватниками – его постель. Сел на сундук и стал энергично тереть брюки и куртку, чтобы высохнуть.

Немного согревшись, Сергей пошел в сарай, стоявший на другом конце двора. Сарай пришел в еще более унылое состояние, чем раньше. Он давно уже был кособоким, теперь же столбы повисли почти в горизонтальном положении, крыша обвалилась.

Да. Здесь его и посетило то видение. Не просто видение.

Послание, руководство к действию. Разве можно ему противиться? Сергей потряс головой, отгоняя нелепые предрасчетные мысли и быстро нашел то, что искал – старую деревянную лестницу без двух ступенек.

С её помощью он скоро очутился на чердаке. Отряхнувшись от пыли и паутины, он вглядывался в темноту. В сумерках проступали очертания гроба. Телефон почти сел, но фонарик еще можно было включить. Гроб стоял точно посередине с закрытой крышкой. Мать купила его себе как-то раз, когда работала. Ему тогда было лет шесть. Сказала, что в этом гробу он будет ее хоронить. Прежде здесь стоял гроб, который купила себе бабушка. В нем ее увезли на кладбище.

Он подошел к гробу, намереваясь его открыть, и взялся левой рукой за крышку.

Там бабушка.

Да что с тобой такое?

Сергей открыл крышку. В углу гроба уютно расположилось мышинное гнездо.

Он стал вычищать его рукой. На первом этаже что-то зашуршало, через пару минут по лесенке кто-то быстро поднялся, Сергей обернулся, готовясь встретить незваного гостя, кто бы это ни был. В глаза ему ударил свет фонарика.

– Какого мать его хрена лазиешь тут?! Щас ты у меня получишь, упырь! – прорычал незнакомый голос.

Сергей, загоразиваясь от фонарика рукой, отозвался:

– Спокойно-спокойно. Я Любин сын. Сергей.

– А, – разочарованно отозвался голос, и фонарик тут же погас.

Его владелец, кряхтя, слез по лестнице и вернулся на исходную позицию внизу.

Сергей последовал за ним. В бледном свете подготавливающегося утра они рассмотрели друг друга.

Обладатель фонарика был довольно крупным, чернявым, коренастым мужиком с испитой физиономией и недельной щетиной. Черные патлы начинали седеть. Нос был когда-то сломан.

– Сергей, говоришь. Ну что ж, это хорошо, я тоже Сергей. Он протянул руку, и Сергей неуклюже ее пожал.

– А мамка твоя говорила, что и батька твоего Серегой звали. Выходит, я тебе теперь как бы заместо него, – ухмыльнулся он.

«Незаменимых нет. Если больше двух месяцев с ней, уже, считай, долгий заход».

– Понятно, – Сергей посмотрел на его нос без выражения. Новый отчим поскреб в затылке и пожал плечами.

– А я, ты знаешь, че-то не это самое. Любка-то мне вчерась говорила, что сынок приедет. А я че-то и не понял. Думал, мальчонка какой. А тут вон лось здоровый.

Он заржал и хлопнул Сергея по плечу.

– Я и не врубаюсь, что за ху..., в смысле, кто там по чердаку скребется. Сначала подумал, что кошка, – делился он своей логической цепочкой. – Но потом смотрю, че-то не по-

хоже на кошку. Шумно больно. А кошки-то, они ж наоборот как бы... Бесшумные. Ну, я и решил, что ворье какое. Или бомж. Напугать-то не хотел. Ты уж извини.

– Да ерунда, – пожал плечами Сергей.

– О, молодец. Надо проще к делу подходить. Ну, пойдём мамку будить.

Они вошли в избу. Помещение по-прежнему оглушал материн храп.

– Люб! – позвал новый отчим. – Любка!

– Храу-у-у-у-у-хр-р-р-ры-ы-ы-ы, – был ответ.

– Любка, мать твою, приехал твой!

– Хиу-у-у-у-у-ур-р-р-р-р!

Мужик повернулся к Сергею, прикрыв глаза и выставив ладонь вперед – мол, не бойсь, ща все будет.

Он поднялся по лесенке, прислоненной к печи, на две ступеньки, осторожно приподнял драный плед, под которым спала мать, быстро обхватил одну из щиколоток рукой, второй рукой стал чесать ей ступню. Нога задрогалась, слышался несильный визг, после чего над печкой, пытаясь высвободить ногу, показалась сама Любка, тряся нечёсаной бесформенной копной блеклых волос.

– Ай, паразит, выродок окаянный, отдай ногу!

Пытка продолжалась.

– Да проснулась я уже, прекрати!

Мужик вошел во вкус.

– Ах ты сука!

Любка свободной ногой треснула ему в рожу, он откинулся назад, отпустив, наконец, ее ступню, и грохнулся с лесенки.

Ворчливо матерясь, она стала спускаться с лесенки. «Отчим», который уже успел вскочить на ноги, смачно шлепнул ее по заднице. Она не отреагировала.

Сергей смотрел на это молча, тая неприязнь в себе, никак не показывая, зная свое место, осознавая свою никчемность, которую мать внушила ему с рождения.

Она сунула ноги в драные шлепки, один из которых был зашит бечёвкой. Прошлёпала мимо Сергея, не взглянув, села за стол, взяла сигарету из пачки, и, чиркнув старинным огнивом, прикурила, щурясь на дым.

– Ну что, мы, наконец, получили явление Христа народу? – все-таки удостоила она его приветствием.

В детстве у него были какие-то совершенно иные ассоциации с этой фразой. Но в Москве он сходил на экскурсию в Третьяковскую галерею, где подробно рассказывали о картине. И теперь эта фраза звучала не так обидно. Даже совсем не обидно. А скорее как-то нелепо. Вряд ли его мать видела хотя бы репродукцию той картины.

Мужик уселся на второй табурет. Сергей остался стоять, так как сесть было некуда. Он прислонился к бывшей когда-то белой печке.

Мать тут же протянула вперед руку с сигаретой.

– Ну, куда ты прислоняешься, идиот несчастный?! Щас же

весь рукав белый будет. Совсем отвык в городе?

Сергей поспешно отошел от печки и отряхнул рукав, который действительно немного испачкался в мелу.

– Представляешь, по чердаку шарился, – то ли наябедничал, то ли просто поделился мужик с Любкой.

– Это зачем еще? – она как-то испуганно посмотрела на сына.

– Хотел посмотреть, в порядке ли гроб. Вы же еще спали, – попытался объяснить Сергей.

– Какой гроб? – мать еще сильнее испугалась.

Сергей сглотнул.

– А, ну да. Еще не проснулась, – мать тоскливо вздохнула. – Да, вот так. Живет человек, и нету.

– Все там будем, – подхватил новый «отчим».

«Ты в первую очередь», – Сергей мрачно посмотрел на него исподлобья.

– А ты его достал? – спросила мать.

– Н-нет. Не успел, – Сергей начал общипывать заусенцы у себя на пальцах.

– Ну, так достань. Надо отнести его. А то вон мечутся, ищут. Конечно, послать бы их, по-хорошему, надо. Тамарка-то сквалыгой той еще была. Я, надясь, у нее полтинник просила, так не дала. Но да ладно. Мертвых что уж попрекать. Зла не держу я.

По ее поджатым губам было видно, что держит.

– Хорошо, – послушно отозвался Сергей, как будто ему

снова было десять, и сделал шаг к двери, потом обернулся.

Ему не жалко было денег на гроб для матери, но очень не хотелось задавать этот вопрос.

– А ты... – начал он, надеясь, что мать догадается, о чем он.

Мать скучающе на него посмотрела.

– То есть, гроб я сейчас отнесу, потом как...

Мать вскипела мгновенно:

– Да что ты елозишь, как по мокрому? Чего хочешь сказать – говори.

– Нет, ничего.

Он вышел во двор, обошел дом и собрался уже забраться по лестнице, как позади послышались торопливые шаги «отчима».

Он лучисто улыбнулся Сергею, показывая гнилые зубы.

– Ты это, Сереж, говорят, ведь юристом, да?

Сергей кивнул, вспоминая, сколько у него денег с собой.

– Не одолжишь? Помянуть надо, а у меня голяк полный.

Сергей быстро достал из внутреннего кармана почти высушенной куртки кожаный кошелек (подарок Юлии Яковлевны), вынул тысячерублевую купюру и отдал её своему тезке.

Глаза того загорелись удивлением и восторгом.

– Не, ну столько-то зачем. И пары сотен бы хватило, – сказал он, торопливо убирая тысячу в карман брюк.

Уже через несколько секунд шаги его зашуршали с другой стороны забора.

С гробом Сергеем пришлось повозиться. Он был тяжелым и так долго стоял на одном месте, что почти прирос к полу. Сергей вспомнил, как в детстве играл, будто умер и ложился в гроб, закрывая крышку. Он мог лежать так часами, иногда даже засыпал. В гробу было очень уютно. Порой он представлял, что лежит в обнимку с мамой – спокойной, доброй, не пьяной. Правда, он не помнил, была ли она когда-нибудь такой.

Он нашел веревку, обвязал гроб поперек и вдоль, как торт. Второй конец веревки перекинул через центральную балку, выходящую наружу. Подергал – крепко. Да, однажды такое «крепко» его уже подвело. Он осторожно вытолкнул гроб из окна, твердо держа второй конец веревки, но не рассчитал, веревка выскользнула у него из рук, и тяжеленный ящик грохнулся оземь, уткнувшись острым концом в землю, успев перед падением чиркнуть по лестнице и повалить ее.

Сергей посмотрел на творение своих рук. Гроб с тянущейся от него веревкой, как поверженный воздушный змей, и лестница лежали на земле.

Как спрыгнуть с десятиметровой лестницы и не разбиться?

Он тихо выругался про себя. В доме послышалось шебуршание.

Господи, сейчас придет мать и увидит, что он уронил гроб!

Не раздумывая, он прыгнул. Опавшие золотые листья и

клубок сорняков смягчили падение, но все равно было довольно больно. Он вскочил и положил гроб так, как будто только что аккуратно спустил его на веревке. В этот момент из-за угла появилась мать.

– Ты чего тут устроил? – с подозрением спросила она.

– Ничего, все нормально. Вот, опустил, – шумно выдыхая, отчитался он.

– А лестница чего валяется? – не успокаивалась мать.

Черт, про нее он забыл.

– Положил, чтобы унести, – объяснил сын.

– Куда унести, дебил? А если на чердак кому-то понадобится? – она слегка постучала пальцем себе по лбу.

– Но...

– Что «но». Поставь обратно, – приказала мать.

Сергей быстро поставил лестницу вертикально.

– Идиот, – прошипела мать и ушла в дом.

Сергей выдохнул.

Вскоре явился какой-то извилистый и зыбкий сосед, с которым они вдвоем дотащили гроб до нужного дома. Народу на поминках было не так уж мало, в основном, люди за пятьдесят и несколько алкашей Сережиного возраста. Он их не знал.

Помянули.

На Сергея смотрели доброжелательно, но при этом как-то настороженно. Он никого здесь не помнил.

Когда он шел обратно, из-за угла вырулила болотная курт-

ка маминого сожителя. «Отчим» радостно помахивал бутылкой водки. Навстречу ему выскочила дворняжка – учуяла колбасу, торчащую из кармана. «Отчим» поманил ее колбасой, и, когда она приблизилась, со всего маху дал ей ногой по носу. Дворняга взвизгнула и стремглав унеслась.

«А ведь вот мое отличие от других маньяков. Я никогда не мучил животных. А вот тебя я бы ткнул пальцем в глаз», – отметил про себя Сергей, неприязненно глядя в спину тезке.

Он поймал себя на колющей боли в виске.

«Черт, я даже таблеток с собой не взял».

«Они тебе не помогут. Ты знаешь, что тебе нужно», – пропищал внутренний голос.

«Нет. Этого я больше делать не буду», – заявил Сергей внутреннему голосу.

«Ну, только этого козла, пожалуйста!» – взмолился голосок.

Сергей запустил пальцы себе в волосы и, схватив шевелюру, резко потянул. Кожа головы приятно заныла. Он потерял лицо и направился к калитке.

Когда Сергей вошел, мать и ее кавалер успели уже выпить по первой. Мать чуть подобрела.

– Отнес? – осведомилась она.

– Угу.

– Спасибо сказали? – с деланным безразличием спросила она.

– Да, очень благодарны, спросили, зайдешь ли, – соврал

Сергей.

– Нет уж, сделаю им приятное – не зайду. Козлы чертовы, – прошипела мать.

Она чиркнула огнивом и прикурила «Яву».

– Ладно, ты когда обратно-то? – посмотрела она на сына.

Сергей опешил.

– Так ты меня ... действительно, только, чтобы я гроб этот отнес, позвала? – заикаясь спросил он.

Мать не ожидала подобной наглости от сына.

– А ты что развалился оттого, что помог? – поинтересовалась она у строптивного отпрыска.

– Нет, но я не понимаю...

– Чего тут понимать?! – рывкнула она. – Серега не мог этот ё... (где-то громко кукарекнул петух) гроб спустить. У него спина не гнется.

– А соседи что, сами не в состоянии? – обратился Сергей к «отчиму». Он бы не позволил себе так разговаривать с матерью.

– Пускать этих упырей ко мне в дом? – возмутилась мать.

Сергей чувствовал, как в нем закипает неконтролируемая злость. Нет, мать он, конечно, не тронул бы. Но этого ее дружка...

Дружок вмешался.

– Ну ладно, Сергунь, че ты кипешуешь? Все ровненько. Мне завтра на смену, вместе до остановки дойдем, я доеду до Зобов, а ты дальше. Автобус до Бежецка. А там пересадку

сделаешь до Твери.

– Вместе? – Сергей злобно улыбнулся тезке, но тот не заметил агрессии.

– Ну да. Всё веселей, – подытожил тот.

– О, вот и с отчимом уже сдружился, – заметила мать. – А ты говоришь – зря вызвала. Мать всегда знает, что для сына лучше, – у нее уже начинал заплетаться язык. Бутылка стремительно пустела. – Я тебя, сволочь такую, рОстила, кровью своей, считай, кормила. Свинья неблагодарная.

Последние слова она произнесла вполне миролюбиво.

Сергей уснул быстро, несмотря на то, что сундук ему был маловат. Под ноги пришлось поставить табуретку. Но в самом сундуке он нашел траченный молью серый плед. Тот самый, который остался от бабушки, и которым он укрывался первые пятнадцать лет своей жизни. Плед его быстро усыпил.

Глава 13. Только один разочек.

Когда он проснулся, было еще темно. Часов не было. С печи раздавался материн храп.

Накануне было выпито три бутылки на двоих. Сергей только на третьей бутылке понял, что это не водка, а не самый качественный самогон. Сам он не пил, да ему и не предлагали.

«Господи, надеюсь, этот идиот наклюкался, и ни на какую смену сегодня не поедет», – подумал он сонно.

«А я надеюсь, что он ответственный работник», – бодро парировал внутренний голос.

«Иди к чёрту».

Сергей вышел на кухню. Там в темноте «отчим» жадно пил воду из ковша. Выпив полный ковш, он швырнул его в ведро с водой, смачно выдохнул, вытер губы рукавом и, судя по тому, как он повернулся, уставился на Сергея.

– Ой, фуф, крех-х-хм, Серег, напугал. Ща пойдем. Есть хочешь?

– Нет.

– Вот и хорошо, потому что все равно нечего, га-а-а-а, – заржал он.

Сергей вышел на улицу. Была непроглядная ночь.

«Наверное, и четырех нет», – подумал он, безнадежно пытаясь в черном небе увидеть хотя бы одну звездочку или про-

блески зари.

Мрак нарушал только отсвет фонаря вдалеке, у которого почему-то до сих пор не выбили лампочку.

Сергей обернулся на дверь. На крыльце мелькнуло лезвие ножа.

Что за добрый человек его здесь оставил? Такой маленький подарок судьбы. Непрозрачный намек.

Сергей положил нож в карман.

В этот момент вышел «отчим».

Они быстро пересекли деревню и вышли на тропинку, ведущую через поле к лесу.

Материн сожитель посмотрел на ноги Сергея.

– Ой, да ты без сапог. Ща весь вымокнешь, – констатировал он.

– Как вымокну, так и высохну, – угрюмо заметил Сергей.

– Наш человек. Слушай, я рад, что ты приехал. Мамка-то про тебя особо не рассказывала. Да ты знаешь, все как-то не до разговоров было, – он сделал неприличный жест бедрами и гнусно заржал.

Сергей стиснул зубы.

– Молодая у тебя мамка. Любка тебя, что, лет в пятнадцать родила?

– В шестнадцать, – буркнул он.

– Ух, шалава, – «отчим» снова гнусно заржал.

Некоторое время они шли молча. Сергей чувствовал отчаянную головную боль, хотелось курить. Он потер лицо. Нуж-

но о чем-то говорить.

– А как вы с ней сошлись-то? – спросил он.

– С мамкой твоей?

«Нет, с коровой Зорькой».

Сергей кивнул, подтверждая вопрос.

– Да ты понимаешь, я с тюрьмы ехал. Оправдали там по одной левой теме.

– Что за тема? – поинтересовался Сергей.

– Ишь, любопытный какой. Ну ладно, мы почти родственники, а ты парень, вижу, понимающий. Да там одну дуру нагнули. Но ничего не доказали, слава те. Жорка, дружбан мой, меня подбил.

– Понятно.

– Ну а че, сама виновата. Юбка вот такая, водку жрет, а как до этого, так извините, я не такая, я жду трамвая, – откровенничал «отчим».

– Угу.

Они подошли к самому лесу. Хотя на поле уже видны были первые розоватые порезы рассвета, лес чернел непроглядным мраком.

– Ну вот, и мы, понимаешь, с Жориком приняли, считай, дело-то какое, ща бы уже по этапу за Тамбов тряслись, – продолжал сожитель матери. – Сил, так сказать, не рассчитали. Короче проснулся я, смотрю – какой-то полустанок. Я сдуру выбежал. Думаю, пойду что ль поищу, че тут, мож, деревня какая есть. Дело-то к ночи шло. Шел по тропинке, заблудил-

ся нахрен. Ну, наконец, вышел, а дом-то ваш крайний. Я зашел. А она уже походу приняла нормально, Любка, в смысле, и спала. Ну, я решил, да, фиг с ним. Лег на сундук этот. Ой, с утра такое началось! – он замахал руками. – Но у меня деньги-то были, я пол-литра поставил, сразу и помирились, – он опять гнусно хохотнул.

«На сундук лег».

– Понятно, – повторил Сергей, достал из кармана нож, мягко повернулся к тезке и, резко откинув руку, быстро и точно всадил ему нож в живот. В мгновение дряблость сменило твердое жесткое мясо, услужливо расходящееся под напором железа. Сергей почувствовал, как лезвие царапнуло ребро. Нож был туповат. Но это уже не имело значения.

Недоумение на лице тезки сменилось изумлением.

Сергей резко, чуть выдохнув, выдернул нож, мужик согнулся. Сергей мгновенно оказался у него за спиной, схватил левой рукой за волосы, правой со всего маху вонзил нож ему в горло, прижимая к себе грузное тело.

«Отчим» издал присвистывающий хрип и повалился набок. Сергей не стал ни удерживать, ни добивать жертву.

Он посмотрел в еще живые глаза «отчима» и сказал:

– Только я могу обнимать мою маму.

Это было забавно. Он отшвырнул нож в траву, сунул руки в карманы и весело, слегка посвистывая, вошел в лес и пошел по тропинке, ведущей к остановке на трассе.

Когда он вошел в лес, может быть из-за неожиданного по-

сле Москвы количества кислорода, а может, из-за его обычной реакции после «акта», как он иногда называл свои убийства, Сергей начал смеяться. Смеяться сильно и долго, в голос. Он никак не мог утомиться. Обнял рядом стоящую березу и, прислонившись к ней, сотрясался от смеха. На глаза навернулись слезы. Сергей смахнул их, дважды глубоко вздохнул. Плавно поднял и опустил руки. Но снова приснул и зашелся в нездоровом хохоте. Он оторвался от березы и стал продираться через кромешную тьму утреннего августовского леса. Травы под ногами почти не было, всюду мешали какие-то коряги и поваленные деревья. Так он шел, периодически останавливаясь из-за особенно сильных приступов хохота, пока окончательно не потерял тропинку. Он заблудился. Но его это не беспокоило. Он просто шел. Наконец, он потратил достаточно сил, чтобы перестать смеяться и хоть немножко начать реагировать на окружающий мир. Издалека слышался шум проезжающей фуры. Сергей пошел в ту сторону, откуда донесся звук. Через несколько секунд проехала еще одна фура, но теперь, казалось, немного левее. Он пошел левее. Теперь правее. Так по синусоиде он постепенно приблизился к трассе настолько, чтобы слышать ее шум. Теперь он шел уверенно прямо, или почти прямо, насколько позволяли коряги под ногами. Наконец, трасса зашумела совсем близко, за деревьями замелькали огни фар. Сергей вышел к дороге. Стало чуть светлее, но фары по-прежнему были очень яркими и слепили глаза. Он заго-

родился рукой от их света. Движение было оживленное.

Сергей встал на обочине и вытянул руку, ловя попутку. Фуры проносились мимо с громким воем, пытаясь отбросить его потоками воздуха.

«Нам Камазы не указ», – вспомнилось ему, и он зашелся в таком приступе смеха, что согнулся пополам. Раздался скрежет тормозов. У него за спиной, метрах в пятидесяти остановился красный «Рено-Дастер». Сергей побежал к нему, без разговоров шлепнулся на переднее сиденье, захлопнул дверь и издал вздох удовольствия. Повернулся к водителю.

На него недоуменно смотрела девушка.

Она смотрела так, будто остановилась, чтобы посадить в машину подругу, а вместо нее плюхнулся этот незнакомый парень, весь вымокший в лесу, какой-то изгвазданный и ... в крови?

«Это что, кровь у него на куртке? Господи... Да нет, просто грязь, упал, наверное. Ну и дура, какая кровь. Надо поменьше ужастиков смотреть».

Все эти мысли пронеслись в голове девушки молниеносно.

– С вами всё в порядке? – спросила она.

Он радостно повернулся к ней, сверкнув белоснежной улыбкой на фоне темного лица, как в голливудском кино.

– Да! Спасибо за беспокойство. Я немного заблудился, но, слава богу, трасса шумела, – объяснил он.

– Просто вы стояли у дороги, согнувшись. Я подумала, что

вам плохо, – заметила девушка.

– Да нет, – отмахнулся он. – Всё в порядке.

– Вы весь мокрый. Я включу печку, – она потянулась рукой к регулятору.

Печка загудела, выпуская в салон горячий воздух. Удовольствие захлестнуло его с новой силой, когда холодные промокшие ноги окутались теплым потоком. Машина медленно тронулась.

«Дастер» пристроился за фурой. Девушка пару раз сжала губы, потом все-таки решилась и спросила:

– Вы упали? У вас грязь на куртке.

Только теперь он увидел, что вся куртка в запекшейся крови. И на брюках.

– А, это не грязь, – радостно объявил он. – Мы на охоту ходили с ребятами. Утку подстрелил! В первый раз удалось. Правда, зараза, всего меня кровью забрызгала. Да и заблудился еще. Но все равно приятно. Все-таки, первый трофей.

Он посмотрел в напряженное лицо девушки, и добавил:

– Ой, простите... Вы, наверное... Я не хотел так в подробностях.

– А, да все нормально, – успокоила она Сергея. – У меня папа охотился. Как раз ему нравилось в этих лесах. А где же утка ваша?

– Ах, ты ж! Я ее там на обочине оставил, – спохватился он.

– Забыли там? Давайте развернемся, – всполошилась она.

Девушка стала глазами выискивать разворот.

– Ой, да ну ладно, – отмахнулся он снова. – Как мы это место найдем? Ребята и так поверят. А даже если не поверят, черт с ними.

Он зашелся в смехе. Она сначала тоже заулыбалась, но его смех был какой-то уж очень продолжительный.

«Зачем ты его подобрала? Это явно псих какой-то. Может, на наркотиках вообще».

Она взглянула на пассажира. Смеяться он перестал, но на лице расцвела идиотская улыбка, и он отвернулся к окну, чтобы ее скрыть.

Точно наркотики.

Фура шла слишком медленно, и девушка вывела машину на левую полосу, чтобы совершить обгон.

Сергей внимательно посмотрел на ее лицо.

– Света?

От неожиданности она резко повернула руль, машина ушла вправо, подрезав фуру. Та протестующе загудела.

Взглянула на Сергея.

– Вы меня знаете? – чувствуя, как колотится сердце, спросила она.

– Да. Но вы меня не вспомните. Мы дружили в детстве. Летом. Когда вы приезжали в деревню. Кривино, – добавил он.

Она взглянула на него еще раз. Потом опять, чуть нахмурившись.

– Сережа? – спросила она.

Никакая печка не смогла бы сравниться с тем теплом, которое ворвалось в его душу с этим словом. С тем, как *она* его произнесла. Это действительно была Света.

– Нет, серьезно ты? Я тебя вообще не узнала. Ну, то есть, – она опять бросила на него взгляд. – То есть совсем. Ты очень изменился. Совсем другой. Ты ведь светлый был.

«А теперь я темный. Ха-ха-ха».

– Многие с годами темнеют, – объяснил он. – Да и мы с тобой виделись всегда летом. У меня тогда волосы выгорали. Сейчас-то я все время в офисе сижу.

– В Твери работаешь? – поинтересовалась она.

– Нет, в Москве.

– В Москве, серьезно? Слушай, это супер. И живешь там? – она была поражена.

– Ага.

– Ну, ничего себе. Молодец, – похвалила Света. – В этой деревне ты бы точно спился, там же вообще нечем заняться. Я сейчас оттуда. По-моему, вымерла деревня. Те, кто остался, пьют.

– Ну да. Я пробовал, но как-то не мое.

– Пить, что ли? – она рассмеялась.

Несколько секунд оба молчали. Сергею бросилась мысль, при каких обстоятельствах он, теперь действительно темный, встретился с ней, с кем он не смеет дышать одним воздухом, кого он оскверняет одним своим присутствием. Он с грустью посмотрел на Свету, и ему захотелось выбросить-

ся из машины, он машинально взглянул вправо – кнопка на двери была опущена.

– Слушай, ну надо же, – вновь удивилась она, чуть помолчав. – А я смотрю, человек какой-то. Даже не знаю, почему тебя подобрала. Я никогда не останавливаюсь. Ну, мало ли. На трассе кого-то подбирать опасно. А это ты. Как вообще могло так сойтись? Ты заблудился, неизвестно, сколько ходил по этому лесу и вышел, когда я проезжала. Это просто судьба.

Он посмотрел на нее пристально. Она не отрывала взгляда от дороги. Фура, которую Света только что ненароком подрезала, прибавила ходу, прошла по левой полосе и мстительно перестроилась прямо перед ее «Рено». Свете пришлось резко нажать на тормоза. Их откинуло вперед. Сергей этого даже не заметил.

Света, это ты.

– А ты, ты в Москве живешь? – запинаясь, спросил он.

– Да. Я никуда не уезжала. Правда, теперь живу на Юго-Западной, – с легкой грустью уточнила она.

– Работаешь?

– Ага. Пишу диссертацию. Занимаюсь исследованием фильтров для очистки воды, – это она произнесла с деланной гордостью.

– Интересно.

– Да уж, – она приподняла бровь.

Они замолчали на некоторое время. Восставшее солнце

подбивало к революции деревья, и верхушки их уже пламенили бордово-золотыми знаменами, освободившись от ига ночи, но внизу тянулась еще не свергнутая, укрытая горностаевой мантией в сверкающих бриллиантах инея, зеленая трава.

Перед Сергеем с неудержимостью кино на большом экране включились воспоминания.

Он вспомнил, о том, как начал заикаться в детстве после того, как мать по белочке пыталась его засунуть в горящую печь. Ту самую русскую печь. Ему тогда удалось вырваться и убежать. Но на следующий день он обнаружил, что не может нормально говорить. Все время сбивался. В том году он пошел в школу. И все дети дразнили его. Он никогда не защищал себя, потому что знал, что они наябедничают родителям, те придут к его матери, и тогда... Нет, уж пусть дразнят.

А потом он увидел ее. Она бежала через деревню. Неслыханная дерзость для дачницы. Детям дачников было запрещено ходить по деревне. Во всяком случае, так считали деревенские, и свято соблюдали это правило. Но ей было можно. Ей разрешалось все. Никто и никогда не смел ее обидеть.

Она бежала через деревню в белом сарафанчике, и ее ножки в розовых сандалиях мелькали быстро-быстро, а два длинных шелковых хвоста, перетянутых разноцветными резинками, развевались по ветру, пытаясь догнать этот неуловимый лучик света. Света.

Она играла с ним. Она научила его перестать заикаться.

Она все свое время проводила с ним. Или почти все время. Иногда она играла с другими детьми, но он не обижался. Он вообще не понимал, почему она с ним дружит.

Однажды она поцеловала его в щеку.

Он вспомнил это ощущение. Как будто провалился куда-то. В какой-то тоннель, на другом конце которого оказалась счастливая яркая страна. Страна чудес. Страна исполнения желаний.

Страна Светы.

– Ну, а чем ты занимаешься? Как тебе удалось уехать из деревни? – прервала она молчание.

– А, да просто надо было как-то устраиваться. Сначала пошел в колледж в Твери, там давали направления, повезло поступить на юридический в Москве, – обыденно рассказывал Сергей. – Стипендию получил, а потом пригласили работать в одну фирму. Вот. Теперь юристом.

– Круто. Честно говоря, неожиданно, – заметила она.

– Да, я знаю.

– И что, квартиру купил? – уточнила она.

– Нет, съемная.

– А где? Не рядом со мной, случаем? – она улыбнулась.

– Да нет, в центре. На Тверской, – ему стало обидно оттого, что квартира не на Юго-Западной.

Она уставилась на него круглыми глазами.

– Ты сейчас серьезно это говоришь?

– Ну да. Я сам знаю, что необычно, – уже спокойно сказал

он.

Сергей засмеялся. Это был здоровый смех.

Она облизнула губы и глянула в боковое зеркальце.

– Женился?

– Нет.

– Понятно.

– А ты? – спросил он, чувствуя, что дыхание сбилось.

– Я тоже не женилась, – она рассмеялась.

Он улыбнулся.

Слава богу, к теме убитой утки Света не возвращалась.

Глава 14. Свои – чужие

Ко всеобщему изумлению, в марте Владимира перевели в Генеральную прокуратуру. Не то, чтобы он это не заслужил. Заслужил, конечно, причем очень давно. Изумляла как раз справедливость.

Андрей опасался, что Володя может забрать дело серийника с собой, но на того навалилось невероятное количество самой разной работы. И речи не было о том, чтобы забирать какие-то дела с собой.

Андрей готов был на коленях умолять майора отдать ему дело. До мольбы, правда, не дошло, но криков и мата хватило. Наконец, было принято компромиссное решение, на которое Андрей пошел, полный внутреннего – да и внешнего, чего уж там, – презрения. Договорились, что если Андрей не закроет это дело сам в ближайшее время, то закроет с помощью майора при первом же удачном случае. Майор понимал, что находится в положении девушки, которой обещают жениться, и не особо верил в честность обещания, но осознавал, что если прямо сейчас не согласится отдать дело, следовательно доведет его до инсульта.

Андрей получил материалы и с бешеным рвением принялся за поиски маньяка. Но с прошлого августа след уже остыл, и его забросало снежком, так что оставалось только искать какую-то зацепку, крюк, торчащий из сугроба, что-

бы найти убийцу. Андрей повторно заказывал экспертизу и опрашивал свидетелей, большинство из которых давно успело испариться, ночами читал и перечитывал, увы, крайне немногочисленные документы. Ничего не происходило. Никакого крюка из сугроба не торчало – ледяная пустыня.

Осенью должна была быть серьезная проверка, и пришлось оставить серийника, чтобы заняться более свежими, но значительно менее важными – по мнению Андрея – делами.

И вот теперь в кабинет следователя быстрой довольной походкой вошел начальник. Он хлопнул на стол протокол, затем сам шлепнулся на стул напротив и с удовольствием сложил ладони на животе.

– Все, Андрей, закончились твои страдания. Точнее мои. Только что ребята приволокли Офтальмолога.

Офтальмологом прозвали мужика, который по пьянке взял охотничье ружье, на него же зарегистрированное, и перестрелял свою семью: тещу, жену и десятилетнего сына. Его ловили два месяца, и вот теперь привезли в участок. Он не отпирался, сразу выдал признание и вот уже двадцать минут безостановочно рыдал. Прозвище Офтальмолог он получил, потому что работал водителем небольшого универсала, который развозил товары в магазины оптики.

– Ему все равно пожизненный светит. Сейчас мы на него всех твоих трех красавцев и повесим.

Андрей, который уже было взял протокол, собираясь его

проглядеть, протянул бумагу начальнику.

– Нет уж. Спасибо. Халтурить не в моих правилах.

Майор холодно посмотрел на Андрея.

– У нас был уговор, – напомнил он.

Андрей отвел глаза в сторону.

– Он не отменяется. Но вешать ни на кого не буду.

Начальник посмотрел на протокол, встал и заорал на Андрея:

– Да ты окончательно, что ли, умом поехал? Ты хоть знаешь, как маньяков ловят? Это федеральный розыск надо объявлять, леса прочесывать, конвой ставить. И огромная вероятность того, что псих твой давно самообслужился!

Начальник чиркнул себе большим пальцем по горлу.

– От него ни слуху, ни духу больше года. Он закончился, всё!

Начальник схватил протокол, который до сих пор протягивал ему Андрей, быстро пошел к двери, возле выхода обернулся и помахал документом в сторону Андрея.

– Кстати, а почему ты так уверен, что это не Офтальмолог? – язвительно поинтересовался он.

– Уверен, – сказал Андрей, обиженно глядя в окно.

Начальник злобно плюнул в пол и хлопнул дверью.

«Дурак. Завтра он твою дочурку угандошит, а у тебя дело закрыто», – мрачно подумал Андрей.

Потом он вспомнил, что у начальника нет дочурки, а вот у него как раз есть.

Хотя рабочий день еще не закончился, Андрей взял свои заметки и фотографии, сунул все это в прямоугольную сумку на молнии, повесил ее на плечо и пошел домой.

Идти было недолго. Уже через десять минут он поднялся на одиннадцатый этаж в недавно установленном лифте фирмы OTIS. Всем домом скидывались на этого жеребца, что не мешало лифту раз в месяц застревать.

Он повернул ключ в замке, вошел в квартиру и в темноте споткнулся о сапоги жены, которые стояли прямо перед дверью. Неслышно выругался, отшвырнул сапоги в сторону. Отодвинув со скамеечки две женские сумки, расчистил себе, таким образом, место, уселся и переобулся в тапочки. Сумку, за неимением свободного пространства на полках, поставил на пол. Потом тихо подошел к детской, приоткрыл дверь и заглянул. В детской было убрано, кровать застелена, кукольный домик сложен.

Андрей рассерженно закрыл дверь и пошел в спальню. Там царил обычный беспорядок. Поверх наброшенного на незаправленную постель покрывала валялся шелковый пеньюар его жены, на прикроватной тумбочке журналы вперемежку с бутылочками, какими-то таблетками, витаминами, кремами. Шкаф-купе открыт настежь, на полу и в кресле груды одежды – следы поспешных сборов. Всё как обычно.

Андрей чуть раздраженно зарычал и пошел на кухню. Вымыв руки средством для мытья посуды, он вытер их о свежее полотенце. Судя по полотенцу и отсутствию грязной посуды

в раковине, в квартире побывала бабушка. Значит, Пелагея у нее.

Андрей цыкнул, достал из холодильника яйца и быстро пожарил себе яичницу.

Когда он вытирал тарелку хлебом, вошла жена.

– Лиза, какого черта, почему Пелагея у бабушки? – заворчал он с набитым ртом.

Лиза шумно сняла пальто, запихнула его в переполненный шкаф, потом села на расчищенное Андреем место на скамеечке и расшнуровала изящные сапоги, облегченно вздохнув, вытянула ноги, после чего протопала на кухню, заглянула в сковородку, в холодильник.

– А что, мама ничего не приготовила? – спросила она вместо ответа.

Жена достала колбасу и сделала себе два бутерброда, успев при этом включить полупустой чайник.

– Тебе мама что, вместо кухарки? – огрызнулся Андрей.

– Ой, Андрей, не начинай, пожалуйста.

– Я не начинаю, я просто пытаюсь понять, почему ты отправила Пелагею к бабушке? И мне даже не сказала, – обиженно заметил он.

– Я ее не отправляла. Мама сама приехала, – безразлично объяснила Лиза.

– Ну, это я уже понял. Ты бы к посуде не притронулась.

Жена вскипела одновременно с чайником.

– Слушай, я не меньше твоего работаю, ладно? Я, знаешь,

не железная. И ребенок, и посуда, и готовка, и работа. Совесть должна быть?

Андрей пристально посмотрел на жену и чуть остыл.

– Ладно. Я просто спрашиваю, почему ты не спросила меня, можно ли ребенка отправить к бабушке? – допытывался он уже спокойнее.

– А почему я должна тебя спрашивать? – не унималась она.

– Ну, например, потому, что у меня сегодня более-менее свободный день, и я хотел с ней погулять.

– А, то есть ваше величество соизволило, наконец, погулять с ребенком. Звоним бабушке, пусть везет обратно, – ответствовала жена.

Она огляделась, ища телефон, потом с бутербродом в руке вышла в прихожую, прижала сумочку ногой, достала из нее телефон.

Глядя в экран, держа бутерброд на уровне уха, она вернулась на кухню.

– Мама звонила. А я телефон в сумке оставила. Ты ее застал?

– Нет.

Она быстро засунула остатки бутерброда в рот, вытерла руки о полотенце, и, дожевывая, стала звонить. С телефоном ушла, расчесывая пальцами свои длинные завитые волосы. Сегодня они были рыжие. А еще вчера – какого-то непонятного карамельного оттенка.

Андрей посидел за столом, барабанил пальцами возле пустой тарелки. Услышал голос жены, приближавшийся к кухне.

– На недельку, да, нормально, я думаю. Ну, тебе-то несложно? Ну и хорошо.

Она вошла в кухню, рассеянно глядя на Андрея и слушая, что ей говорят в трубку.

– Да знаю я, – раздраженно процедила она.

Она положила телефон на стол, подошла к Андрею и поцеловала его в щеку.

– Велела тебя поцеловать.

Взяла его тарелку и поставила в раковину.

Он слегка усмехнулся.

– Я так понял, Пела уехала на неделю, – подытожил Андрей.

– Угу, – кивнула жена, убирая колбасу и хлеб.

– Ясно, – он раздражённо хлопнул себя по коленям и встал.

Жена не обратила на него никакого внимания, снова убежав в спальню.

Андрей прошелся по кухне, открыл окно настежь и посмотрел на улицу, вдыхая холодный сентябрьский воздух.

С одиннадцатого этажа открывался прекрасный вид на Ильинское шоссе, особенно сильно шумевшее после дождя. Двойные стеклопакеты глушили звук, и когда Андрей открыл окно, шум ворвался в кухню, заполняя собой про-

странство.

На той стороне дороги из начинавших желтеть облаков осенней листвы поднимались бело-голубые многоэтажки. Андрей задумчиво оперся ладонями о подоконник и смотрел на то, как машины группируются на светофоре, поблескивая мокрыми кузовами в мерцающем из-за облаков солнце. Взял сигареты, лежавшие рядом и закурил.

Затушив полсигареты в пепельнице, он принес из прихожей свою сумку, вытащил из нее материалы по делу о маньяке и разложил на кухонном столе фотографии.

Ничего особенного он не искал в них. Здесь все было предельно понятно, и все схожие черты жертв ему были известны. Фотографии просто помогали размышлять, подстегивали ход мыслей.

Андрей сидел, потирая верхнюю губу, глядя на фотографию последней жертвы, найденной прошлым летом. Задуманный менеджер магазина автозапчастей.

Чуть больше года прошло. Осень. Самое время.

Но ведь необязательно в этом районе. Можно и рядом.

Эх, карта на стене в кабинете удобная. Зря ушел. Хотел с дочкой погулять.

Андрей достал смартфон, чтобы открыть карты.

Вошла жена. Она скривила театральную гримаску отвращения при виде фотографий.

– Андрей, тебе что, на работе мало этой мерзости?

Он неторопливо собрал фотографии и убрал в карман.

Она включила вытяжку над плитой. Та противно загудела.

– Я же просила тебя не курить. Неужели нельзя выйти на лестницу? Ребенок в доме.

– Ребенок у бабушки, – напомнил Андрей, водя пальцами по экрану, чтобы разглядеть соседние районы.

– Ну, какая разница? Что хорошего будет, если она вернется в прокуренный дом?

– Лиз, может, перестанешь меня пилить? – попросил он.

– Я тебя не пилю. Просто прошу не курить в доме.

Андрей поднял глаза на нее и несколько секунд задумчиво смотрел.

– Так, ладно, – сказала она несколько неуверенно. – У меня спектакль через два часа, мне надо там всех загримировать. Так что я побежала.

Она посмотрела по сторонам, ища телефон, потом с некоторым подозрением, как будто удостоверяясь, нормальный ли он, посмотрела на Андрея, и быстро ушла в спальню.

Андрей вышел в коридор. В открытую дверь спальни было видно, как Лиза расшвыривает одежду, какие-то блузки прикладывает к себе перед зеркалом, снова отшвыривает.

Лучше вернуться в кабинет. Можно позвонить по служебному телефону следователям соседних районов.

В кабинете было гораздо спокойнее. На стене висела карта

Московской области. Андрей обозначил на ней карандашом все ближние лесополосы, заброшенные стройки и воткнул туда канцелярские флажки.

Потом стал по очереди обзванивать следователей. Ни у кого не было никаких подозрительных инцидентов. На удивление, даже у Костина, у которого чуть ли ни каждую неделю была пьяная поножовщина в посёлке, последний месяц стояла тишь.

Оставались Бугримов и Лёшин. Но Бугримов вряд ли ему что-то скажет. Попробовать, однако, стоит.

Андрей набрал номер Бугримова.

– Да, – рявкнула трубка.

– Денис, привет. Это Евсеев. Слушай, у меня тут серийник завелся, прочесываю по соседям, не было ли похожего. У тебя никого там ни душили, ни резали?

– Евсеев, я тебе сказал, чтобы ты мне не звонил. Если только с извинениями.

– За извинениями обратиться к Господу Богу за то, что он позволил тебе появиться на свет.

– До свидания.

– Всего доброго.

Раздался резкий щелчок. Андрей так же злобно положил трубку.

«Ну, молодец. Тебе слабо было извиниться?».

«Нет уж, спасибо. Я не виноват, что у него в архиве незакрытые дела лежат».

Андрей сжал губы и набрал Лёшина.

Особой радости в голосе собеседника не послышалось, но хотя бы он готов был разговаривать.

Лёшин выслушал его вопрос и, вздохнув, сказал:

– Слушай, Андрей, не знаю, что там за очередная шлея тебе под хвост попала, но скажу так. У меня все чисто. Была одна пьяная драка, но это не твой случай, я там знаю всех участников. Да это и не мокруха. Но я вчера общался с одним лейтенантом из Твери, и он мне рассказал довольно странную историю. Там в селе нашли убитого мужика, зарезанного. Если бы нашел кто угодно другой, ничего не было. Закопали бы и дело с концом. Но на него наткнулся владелец местного агрохолдинга, который как раз осматривал поля. Там их была целая комиссия, и конечно, втихую сделать ничего не удалось. Пришлось заводить уголовное дело. Не думаю, что это твое, просто история какая-то нелепая.

– Действительно. Спасибо, – коротко ответил Андрей.

– Да не за что.

Они повесили трубки. Андрей взглянул на карту. Тверская область на карте была обозначена краем. Он открыл карту в интернете и нашел деревню, о которой говорил Лёшин. Далековато. Мог ли он так далеко забраться? Мог. Почему нет. Вон Раевский чуть не по всему Советскому Союзу колесил, да и тот же Чикатило, если уж на то пошло. Без машины. А этот, с его ненавистью к работникам автопрома, наверняка водитель. Так что заправил да поехал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.